

Митрополит Антоний Сурожский

Ступени

Беседы митрополита Антония Сурожского

*Издается по благословению Высокопреосвященнейшего
Амвросия, архиепископа Ивановского и Кинешемского*

О христианстве

Что значит быть христианином? Как оставаться христианином в современном мире?

Быть христианином, в каком-то отношении, очень просто. Христианин – это ученик и друг Христов. Эти понятия смежные, но есть между ними и различие. С одной стороны, мы ученики Христовы, Его последователи, и мы должны учиться от Него через Евангелие тому, во что Он верит, тому, чему Он учит.

Я не напрасно употребил выражение "во что Он верит". Однажды в Москве, на ступенях гостиницы "Украина", молодым офицером мне был задан вопрос:

– Хорошо. Вы верите в Бога, а Бог-то, во что Он верит?

– Бог верит в человека, – ответил я ему. Это очень важный момент в христианской жизни: вместе с Богом *верить в человека*, начиная с себя самого. Христос не напрасно нам говорит, что мы должны *любить* себя самих и ближнего, как самих себя. Любить – это быть готовым делать все возможное для того, чтобы любой человек *ликовал* в своей жизни, рос бы в полную меру своих возможностей и был бы достоин своего человеческого звания. Поэтому первое, чему нас учит Христос, когда мы делаемся Его учениками это верить в человека, надеяться на него, любить его даже ценой собственной жизни. И это не обязательно означает умереть за него, можно целую жизнь отдать для одного человека или для какой-нибудь группы людей без того, чтобы умереть за это, в прямом смысле слова, телесно. Но ученики Христовы умирают телесно, свидетельствуя о своей вере во Христа. Иногда человек должен умереть для того, чтобы другой мог бы дышать свободно, ожить, найти простор в своей жизни, жертвовать собой, забывая о себе для того, чтобы помнить о другом человеке. Никто большей любви не имеет, как тот, который жизнь свою готов отдать для своего ближнего. А жизнь может быть долгой и трудной. Когда человек не думает ни о чем, относящемся к себе, но только о возможности служить другому человеку и другим людям – это первый шаг.

Быть учеником Христа – это значит *верить в человека*, начиная с себя и продолжая всеми другими. Мы убеждены, что в каждом человеке есть свет, есть добро. Свет во тьме светит. Тьма не всегда этот свет принимает, но она не в состоянии заглушить или потушить его. Свет имеет самобытность, силу, жизнь, тогда как тьма – отсутствие всего этого. В этом отношении мы готовы в человека *верить*. Кроме того, в Евангелии мы находим много указаний на то, каким образом мы можем осуществлять свою веру в человека вместе с Богом, как можем вместе с Богом надеяться до последнего мгновения жизни на то, что даже преступник может вырасти в меру достоинства своего человеческого звания. Случается, что человек проживет недостойно в течение всей своей жизни, а вдруг, оказавшись лицом к лицу с возможностью, более того, с уверенностью в том, что ему грозит смерть, опомнится и станет совершенно другим человеком. Человек может прожить преступником, а умереть праведником. Об этом косвенно свидетельствует преп. Серафим Саровский. Он говорит, что начало жизни, годы детства и конец жизни большей частью покойны, светлы и хороши, но в середине жизни бывает сплошная буря. С этим мы должны считаться, когда думаем о себе и о других.

Часто мы слышим: чтобы быть христианином, надо выполнять заповеди Христовы. Конечно! Но заповеди Христовы – это не приказы: надо прожить так, прожить этак; и если не проживешь таким образом, то будешь наказан. Нет, заповеди Христовы – это Его попытка

образно нам показать, каким бы был каждый из нас, если бы стал и был *настоящим*, достойным человеком. Заповеди Христовы – это не приказ, это откровение о том, какими мы призваны быть, можем быть, следовательно, и должны быть.

Я упомянул также о том, что мы должны быть не только учениками Христа, но и Его друзьями.

Случается, что ко мне приходит на исповедь, вернее, посылается на исповедь ребенок лет семи-восьми, впервые. На исповеди он перечисляет целый ряд прегрешений. Я слушаю, а потом обыкновенно спрашиваю его:

– Скажи: это ты чувствуешь себя виноватым или ты мне повторяешь то, в чем упрекают тебя твои родители?

– Нет. это мне мама сказала, что я должен исповедовать то или другое, потому что это ее сердит, и этим я нарушаю покой домашней жизни.

– Теперь забудь. Не об этом речь идет. Ты пришел не для того, чтобы мне рассказывать о том, на что сердится твоя мать или твой отец. А ты мне скажи вот что: ты о Христе что-нибудь знаешь?

– Да.

– Ты читал Евангелие?

– Мне мама и бабушка рассказывали, и я кое-что читал, да и в церкви слышал...

– Скажи мне: тебе Христос нравится как человек?

– Да.

– Ты хотел бы с ним подружиться?

– О, да.

– И ты знаешь, что такое быть другом?

– Да. Это значит: быть другом.

– Нет, этого недостаточно. Друг – это человек, который верен своему другу во всех обстоятельствах жизни; который готов все делать, чтобы его не разочаровать, его не обмануть, остаться при нем, если все другие от него отвернутся. Друг – это человек, который верен своему другу до конца. Вот представь: ты в школе. Если бы Христос был простым мальчиком, и весь класс на Него ополчился, что бы ты сделал? У тебя хватило бы верности и храбрости стать рядом с Ним и сказать: если вы хотите Его бить, бейте и меня, потому что я – с Ним? Если ты готов быть таким другом, то ты можешь сказать: да, я друг Христов: и уже ставить перед собой вопросы для твоей исповеди. Читай Евангелие! Ты можешь узнать из него о том, как можно прожить, чтобы в самом себе не разочароваться; как можно прожить, чтобы Он радовался за тебя, видя, какой ты человек, каким ты стал, ради этой дружбы. Ты понимаешь это?

– Да.

– Ты готов на это идти?

– Да...

Вся христианская жизнь заключается в том, чтобы быть верным другом Христа и учиться постоянно тому, что Он любит, что для Него *отвратительно*, что привело к Его смерти, и соответственно себя вести. В ранние века христианства быть другом Христовым, быть верным Ему, быть преданным Ему значило – быть готовым перед лицом ненавидящих Его людей, гонителей веры, которую Он исповедовал, сказать: «Я один из них». Если нужно, пострадать за Него. И не только самому пострадать. В древности пострадать за Христа считалось честью, считалось самым замечательным, что может случиться в жизни. Есть очень трогательный рассказ в житиях святых об одной матери. Мчится она в Риме к Колизею и встречает своего знакомого, который говорит ей:

– Куда же ты бежишь? Там христиан мучают.

– Да, – говорит она, – и я хочу умереть с ними.

– Что же ты влечешь туда своего маленького мальчика?

– А как же? Неужели я его лишу радости умереть за Христа?

В наше время нам не грозит смерть или опасность в таком размере и так постоянно. Но

перед нами *постоянно* ставится вопрос: ты со Христом или против Него? Если ты даже в самых мелких вещах готов лгать, готов обманывать из трусости, ради выгоды, – ты не ученик Христа. Если ты готов забыть нужду другого человека, потому что тебе не выгодно и это требует от тебя усилий, которые ты не готов отдать, – ты не ученик Христа. Быть учеником Христа – это вовсе не означает необходимости совершать все время героические поступки. Достаточно героически совершать добрые мелкие поступки изо дня в день; иметь мысли чистые, которые достойны были бы той любви, какую Бог по отношению к тебе имеет; иметь правоту жизни сколь только это возможно, даже с опасностью, даже при риске: не стыдиться своего звания христианина.

Быть учеником Христа – это быть готовым перед людьми сказать:

– Да, я Христов. Вы хотите меня отвергнуть? Отвергайте. Но я не отойду от Христа ради того только, чтобы остаться вашим другом.

Это очень важно. Героические поступки нам даются редко, ежедневно героизм не нужен. Отец Сергий Булгаков много лет тому назад написал статью под названием "Героизм и подвижничество". Он говорил о том, что героизм – это момент, когда человек совершает один поступок, который может кончиться его жизнью или его победой. А подвижничество – это та форма жизни, при которой человек *постоянно* учится у Христа, как жить; *постоянно* проливает в свою душу свет Христов; *постоянно* добивается того, чтобы прожить достойно своего человеческого звания и Христа. А что такое человеческое звание? Я повторю: посмотри на Христа. Он единственный в истории человечества, в полном смысле слова *Человек*, который так велик, так прозрачен, так открыт Богу, что Бог и Он сливаются в одно, соединяются в одно без того, чтобы человек перестал быть человеком.

В рассказе о воплощении Христа это играет центральную, колоссальную роль. Мы верим, что Бог стал человеком, воплотился; что Иисус, рожденный от Девы, не перестал быть, в полном смысле слова, человеком, подобным нам. Как же это возможно? Как может Божество и человечество соединиться таким образом? Ответ есть у св. Максима Исповедника, который нам говорит, что *Божество, соединилось с человечеством во Христе, подобно огню, пронизывающему положенное в жаровню железо*. Вот положили в жаровню меч. Первоначально он был серым, тусклым. Вынимаешь: он весь горит светом и огнем. Железо и огонь так пронизали друг друга, что теперь можно резать огнем и жечь железом. Мы призваны *именно так* соединиться со Христом, чтобы Его жизнь стала нашей жизнью. В таинствах, о которых будет сказано ниже, раскрывается именно этот момент, когда мы соединяемся со Христом, когда наше тело делается Телом Христовым как в каждом человеке в отдельности, так и в совокупности, всех людей. Отец Сергий Булгаков сказал, что Христианская Церковь является присутствием воплощенного Христа на земле, потому что мы все делаемся членами, частицами Его Богочеловеческого Тела. Вот что значит быть христианином.

Как это применять практически в течение всей своей жизни на земле? Это так просто, а порой эта простота бывает такая страшная. Я помню рассказ моего товарища, который еще жив, он старше меня лет на десять. Он был епископом города Цюриха в Швейцарии. Будучи в Париже студентом, он всегда жаловался, что он был такого высокого роста, такой широкоплечий, что не мог незаметно пройти. Я помню, как однажды, когда он стоял в метро, какой-то мальчонка его дернул за рукав и сказал: "Дядя, тебе разве не скучно одному там наверху стоять?" Мальчик был маленький, а Володя был очень рослый.

Когда пришла война, я от него получил письмо, в котором он, между прочим, говорил: *«Я всегда жаловался на то, что я такой широкоплечий, рослый, а теперь я так радуюсь этому. Когда бывает стрельба, два человека могут спрятаться за моей спиной»*.

Это были не просто слова, потому что он был на фронте. В него стреляли люди, он отдавал свою жизнь. Он не был убит, но жизнь-то он все равно отдавал. Если жизнь у него не отняли, то это не значит, что он не готов был ее отдать, ее положить "за други своя", то есть за другого человека. Не за личного друга, а просто за того солдатика, который за ним может спрятаться.

Вот так и мы можем в течение всей своей жизни и в большом, и в малом быть не героями, потому что для этого редко предоставляется возможность, а быть *подвижниками*, постоянно *двигаться*, чтобы быть все более похожими на Христа, все более радовать Его этим; все время светлеть, принимая черты Его Личности, учась тому, что для Него отвратительно, и что для Него – радость.

Я помню одного священника, тогда еще совсем молодого, который мне казался очень ветхим, потому что я был мальчиком десяти лет. Он меня очень поразил. Его звали отец Георгий Шумкин. Он был священником нашего детского лагеря. И нас, всех мальчиков поражало, в нем то, что он умел нас всех *любить* без разбора. Когда мы были хорошими, его любовь была ликующей радостью. Когда мы отпадали от благодати, делались плохими, его любовь *не менялась*, но она делалась острой болью, которая нас оздоравливала и нас меняла. В то время я о Боге ничего не знал. Это меня поразило и осталось в моей памяти и в моем сердце. Это раскрылось, когда я о Боге узнал... Бог нас любит *именно так*. Он ликует, и Он умирает на кресте. Острая боль в сердце отца Георгия стала возрождением нашим и возрождением других людей. Многие из нас переменились от того, что не могли вытерпеть, видя его страдания.

Вот в чем, как мне кажется, в простых словах и в масштабе обыкновенной простой жизни заключается жизнь христианина в современном мире.

О Церкви

Первое, о чем я хочу сказать, и это мне кажется очень важным: Христос сам лично ничего не написал. Евангелие, которое у нас есть – это память Церкви, память самых ближних Его учеников о том, что они пережили, чему они научились, общаясь со Христом.

Христос не оставил после себя книгу, как оставляли многие другие учителя. Что же Он после себя оставил? Можем ли мы быть уверены в том, что в Евангелии содержится именно то, что Он говорил, чему Он учил, что именно таков был Его образ. Да, можем. Мы можем себе это представить гораздо лучше, чем если бы была у нас книга, которую мы бы читали, и каждый из нас бы вычитывал то, что ему хочется в ней увидеть, как мы постоянно это делаем, читая произведения разных писателей. Мы видим себя в них и воспринимаем книги только в размере своего понимания. Христос книги не оставил, но оставил живое общество, которое называется Церковью и которое Его лично знает. Я говорю: *знает*, а не только *знало*. Из столетия в столетие все те, кто стали верующими, так или иначе встретили Христа, могут повторять слова апостола Иоанна, сказанные им в одном из своих посланий: *«Мы вам говорим о том, что наши глаза видели, что наши руки осязали, что наши уши слышали»*.

Мы говорим о том, что для нас абсолютная, несомненная реальность, потому что она – в пределах нашего опыта. И так из столетия в столетие это случается с бесчисленным количеством людей. И нам надо помнить, что Церковь – это общество, которое соединено, как говорится в катехизисе, не только общностью таинств, догматической веры, обрядами. Все это, конечно, есть в Церкви и является как бы составной частью ее, но в Церкви сердцевина другая. Это – встреча, встреча лицом к лицу со Христом. Это может быть потрясающая встреча, она может произойти исподволь, еле-еле заметно, но она всегда должна присутствовать, чтобы человек мог сказать: "я – верующий".

Вера, то есть опыт встречи со Христом, невыразима. Сказать то, что случилось, невозможно. Можно только передать на человеческом языке то, что доступно нашему пониманию, нашему восприятию. Я вам расскажу, что со мной случилось и потом перейду к вопросу о том, как вера может найти себе выражение.

Я родился до первой мировой войны, мой опыт жизни включает в себе все трагические годы России и заграничную жизнь эмиграции. Обстоятельства были такие, что я церковного или просто христианского учения не слышал. Когда мы очутились в эмиграции, я оказался живущим в закрытой школе. Я выходил из нее только на несколько часов в воскресенье.

Тогда было не до того, чтобы меня учить, меня надо было утешить, обрадовать. Поэтому я о Боге никаких понятий не имел. Я знал, что мои родители верят в Бога, но более этого ничего не знал. И так длилось довольно долго. Я поступил мальчиком в русскую молодежную организацию. Там я встретил отца Георгия, о котором упомянул выше, и который передо мной открыл таинство всепобеждающей любви, любви, которая может *ликовать*, и которая может быть *крестной мукой*. Я это воспринял тогда только как его личное, непонятное мне свойство. А потом прошли годы. О Боге я слышал, но не интересовался Им. Однажды во время игры ко мне, как и к другим мальчикам лет четырнадцати, подошел наш руководитель и сказал:

– Ребята, мы пригласили священника провести беседу с вами, потому что наступает Страстная седмица. Идите в зал.

Мы все отказались. Я особенно не хотел идти, потому что другие были хоть сколько-то церковные, а я никакого представления об этом не имел. И я ему ответил, что я ни в Бога не верю, ни в священников не верю, и у меня нет никакого желания идти учиться тому, что мне совсем не нужно. Руководитель мой был умным. Он мне не сказал, что "это будет полезно для моей души". Он сказал:

– Ты себе представляешь, что разнесется по Парижу, если никто из вас не пойдет на эту беседу. Я тебя не прошу его слушать: пойди, стань в угол и думай о своем.

Я подумал: "Ну хорошо, из уважения к организации, в которой я проходил обучения, я это могу сделать". Я пошел, сел в угол и собирался думать свои думы, но, к моему несчастью, а может быть к счастью, этот священник говорил слишком громко и мешал мне думать. А то, что он говорил, меня начало возмущать в такой степени, что я стал прислушиваться. Он говорил о Христе. Нас тогда готовили к тому, чтобы с мечом в руках возвратиться и спасти Россию от большевизма: а он плел нам о смирении, о терпении, о скромности, о всех добродетелях, до которых нам никакого дела не было, потому что никакой пользы они не могли принести нашему делу, как нам казалось. Я слушал с возрастающим возмущением. После того, как он кончил свою беседу, я помчался домой и попросил свою мать дать мне ее Евангелие, чтобы проверить... Помню, как я ей сказал:

– Я сам хочу проверить, и если в Евангелии сказано то, что этот батюшка говорил, то я кончу с Богом, кончу со Христом и выкину свой крестильный крест.

Перед тем, как начать читать, я вспомнил, что нам батюшка говорил о существовании четырех Евангелий. Из чего я заключил, что одно из них должно быть короче остальных. И если уж терять время на чтение Евангелия, давай-ка прочту самое короткое.

И тут я попался. Попался не батюшке, а Богу. Я начал читать Евангелие от Марка, которое было предназначено для таких мальчиков, как я, дикарей. Я начал читать, и между первой и третьей главами, которые читались медленно, потому что я не привык к устарелому языку даже русского перевода, я вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, за которым я читаю, *стоит Живой Христос*. Я Его не увидел, я не обонял ничего, я не слышал ничего. Я откинулся на своем стуле, смотрел и убедился в том, что это не видение и не галлюцинация. Это была совершенно простая уверенность, что Он тут стоит. Я тогда подумал: *«Если это так, то все, что сказано о Нем, должно быть правда. Если Он умер и теперь живой, значит Он тот, о Котором говорил отец Сергей»*.

Я начал читать Евангелие уже вразбивку и обнаружил несколько вещей, которые меня тогда особенно поразили. Я привык жизнь рассматривать, как джунгли. Всякий человек был для меня опасностью, врагом. Для того, чтобы выжить в этих «джунглях» ранней эмиграции, надо было окаменеть, стать твердым, непроницаемым. И вдруг я читаю в Евангелии от Матфея о том, что *Бог светит Свой свет и на добрых и на злых*. Я подумал, что если Он любит добрых и злых, и я хочу быть с Богом, то я должен начать любить не только добрых, которые меня любят, которые ко мне хороши, но и злых, которых я так боюсь, и которых до сих пор я так ненавидел. И я решил: чтобы остаться со Христом, я буду любить людей, что бы мне они ни делали. Пусть они меня хоть кипятком ошпарят, я все равно не откажусь от этой любви. Это было мое первое впечатление.

На следующий день, выйдя на улицу, я смотрел на толпу людей, которые мчались на вокзал (мы тогда жили за городом) и думал: *«Бог их всех сотворил. Он всех любит, и я всех буду любить»*. До конца в скудных словах я не могу этого выразить. Но то, что произошло в моей душе, когда я оказался лицом к лицу со Христом, я никаким образом вам передать не могу.

Что же это значит? По словам апостола Павла, вера – это *«уверенность в вещах невидимых»*. Христа я не видел, но я Его встретил: я абсолютно в этом уверен и сейчас, почти через восемьдесят лет. Мне пришлось выражать свою веру, передавать что-то. Много лет спустя мне в руки попала книга преп. Макария Египетского, где он делает различия между опытом веры и выражением ее на словах. Он говорит: *«Представьте себе, что вы лежите в челноке, который несет река или море в темную ночь. Вы лежите, над вами бездонное небо, звезды; светит луна: а вас качает волна. И вы тогда всем существом переживаете это убаюкивание, а потом начинается отлив, и челнок ваш садится на песок. В тот момент вы уже не чувствуете этого убаюкивающего качания челнока. Но в вашем всем существе оно продолжается. Вы знаете, что оно было, и вы все еще чувствуете его в себе»*.

Это очень важный момент духовной жизни, момент, когда из опыта веры мы можем перейти к ее выражению. Мы можем начать говорить о том, что мы пережили всем телом, всей душой. Все апостолы, все святые, все грешники, которые когда-либо прикоснулись хотя бы до края ризы Христовой, могут сказать: в этот момент что-то со мной случилось, в тот момент я что-то пережил, я что-то почувствовал. Я могу попробовать вам передать косвенно. Мы все умеем говорить, но передать... Неужели человек просто поверит мне или кому-нибудь из вас, если он скажет: вот это со мной случилось. А может, врешь? А может, ты ошибаешься? А может, тебе показалось?

И вот тут мне вспоминается рассказ из Евангелия о том, как Христос является к десяти своим ученикам после своего Воскресения. Иуда уже умер, а Фомы с ними не было. Они встретили Христа и возликовали о том, что Он жив, что смерть над Ним не имела власти, что победа принадлежит Ему. А потом пришел Фома, и они ему начали рассказывать, что они видели воскресшего Христа. Он окинул их взором и ответил: "Если я не вложу пальца в Его раны, не поверю". Почему? Потому что, глядя на них, он увидел, что *с ними ничего решительного не случилось*. Они ликовали, но они остались теми же самыми учениками, какими были раньше. *Преображения* он в них не увидел. Это преобразование случилось позже, когда они приняли дар Святаго Духа. Он не мог поверить их словам, потому что он не увидел решительной и решающей перемены. Но если человек *увидит* какой-то свет, то он поверит нашему слову. Если он, глядя на нас, увидит, что мы *не такие*, как все люди, что из нас льется свет вечной жизни, тогда он поверит нам.

Один святой говорил, что разница между неверующими и верующими такая же колоссальная, как разница, существующая между изваянием, статуей и живым человеком. Статуя может быть прекрасна, она может быть прекрасней всякого человека, но она навсегда остается деревом или камнем. А человек может быть и невзрачным, но в нем есть что-то, что может сиять Божественным светом. И вот в этом сущность Церкви, которая может открыться в личности каждого человека по мере его приближения ко Христу, приобщения ко Христу, принятию Святаго Духа.

Это может возникнуть и у неверующего человека. Чуждый веры в Бога человек тоже является человеком в полном смысле слова. Этот человек, как сухие дрова, ждет момента, когда искра падет, и он сам загорится. Это не тот человек, который обесчеловечен своим неверием. Это тот человек, который не нашел еще полноты жизни. И нам, верующим, нам, которые встретили Бога и Христа надлежит *таким* светом сиять, излучать такой свет, не обязательно слепящий. Он может быть тихим светом малой свечки, который составил бы существо Церкви, ее настоящую природу.

Чрез это Церковь в сознании людей неверующих становится тем, чем она по существу и является – Телом Христовым, то есть сохранением через тысячелетия и века воплощенного

присутствия Бога, Плотию Сына Божия, которая преподается нам в таинствах, и присутствием Святого Духа.

Церковь – это явление Христа, это явление Святого Духа, это явление вечной жизни. Церковь – это место, где Бог и человек соединены воедино; это место, где Бог может встретить чуждого до сих пор к нему человека. Это само чудо этой встречи.

О Таинствах Церкви

Для того, чтобы понять значение церковных таинств, надо углубиться в понимание самой Церкви. *Церковь – это Богочеловеческое общество, где полнота Божества присутствует так же, как полнота человечества.* Вместе с этим, она является человеческим обществом на пути ко спасению. Это я хочу пояснить.

Божественная природа Церкви определяется тем, что первым ее членом является Господь наш Иисус Христос. В нем полнота Божества обитает телесно, со слов Священного Писания. Благодаря тому, что Христос присутствует полнотой своего человечества и полнотой своего Божества в Церкви, Церковь соединена неразлучно и с Богом Отцом и со Святым Духом, который послан в нее и ей в день Пятидесятницы. Чье присутствие продолжает действовать в каждом члене Церкви. Человечество же в Церкви присутствует в двух видах. С одной стороны, совершенное человечество, каким мы его видим во Христе; с другой стороны, несовершенное человечество, каким является каждый из нас в отдельности, так и мы все вместе. Следовательно, о Церкви можно сказать, что она – Богочеловеческое общество, но человеческий элемент в ней непрост.

С одной стороны, явлена полнота того, чем может и должен быть человек, и, с другой стороны, неполнота того, чем человек является в данное время. Можно сказать словами отца Георгия Флоровского, одного из самых великих богословов нашего времени, что *Церковь одновременно и «дома», и «на пути».* С одной стороны, прибавить к тому, что представляет собой Церковь, ничего нельзя, а с другой стороны, каждый из нас должен себя перерастить благодатью Святого Духа и входить в течение всей жизни все глубже и глубже в полноту церковную. И это не может совершиться только человеческой волей, даже самой доброй волей. Мы можем жаждать, мы можем томиться по Богу, мы можем делать все, что нам доступно, чтобы вырваться из нашего греховного состояния к Богу. Но до конца своими силами совершить это мы не можем.

Подобное происходит и в человеческих отношениях: можно любить человека всем сердцем, всем существом, но без ответной любви соединение двух не может совершиться. Конечно, Бог нас любит. Он нас любил и раньше, прежде, чем мы его познали, чем мы себе представляли, кто Он таков и каков Он. Апостол Павел нам говорит о том, как изумительно, непонятно то, что Бог мог свою жизнь отдать за нас, когда мы были Ему еще врагами. Он говорит, что за друга своего мало кто жизнь свою положит, а за врагов...

И вот Христос нас *так полюбил.* Бог во Христе такую любовь проявил к нам.

И вот, чтобы мы могли совершить то, к чему мы призваны, Господь учредил таинства.

Что такое таинство? *Таинство – это такое Божественное действие, которое нас приобщает к тому, что является полнотой нашей и тварной, и благодатной природы.* С одной стороны, мы перестали быть тем творением, которое задумал и сотворил Бог: невинным, чистым, открытым Богу до конца, без тени. С другой стороны, мы призваны эту меру перерастить. Поэтому таинства изумительным образом употребляют вещество тварного мира, чтобы нас приобщить к тайне Божества. Каким же образом тварное вещество может нас приобщить к тому, что мы сами не можем совершить?

Дело в том, что тварь поработана грехом или, вернее, поражена несовершенством, человеческим грехом. Но тварь остается безгрешной, поэтому Бог может все тварное освятить полнотой Своего присутствия и благодати и передать этот дар благодати и Богоприсутствия через тварь нам. Когда Бог стал человеком, Он приобщился ко всему веществу вселенной, потому что вещество вселенной могло Его принять, оно никогда Ему не

изменяло, никогда не восставало против Него. В таинствах Господь Иисус Христос берет хлеб, берет вино, берет воду (при крещении), берет масло (при елеосвящении), каждое вещество соединяет с Собой, чтобы вещество, передаваемое нам, могло освятить нас. В водах крещения мы очищаемся от нашего греха силой освященных вод. В даре Святых Тайн мы приобщаемся Телу и Крови Христовым. Хлеб и вино могут приобщить к Богу непосредственно даром Божиим, тогда как мы сами своей волей этого сделать не можем. Таинство является действием Божиим.

Совершителем всякого таинства является сам Господь Иисус Христос и Дух Святой. Человек никакими своими силами, даже при рукоположении в священство, даже при посвящении в епископство, не получает власть над тварным миром, чтобы взять просто хлеб земли и сделать его Телом Христовым или взять чашу вина и сделать его Кровию Христовой. Это может совершить только Сам Господь Иисус Христос. В этом отношении, единственный тайносовершитель – это Бог.

Какова же роль священника? Нужен ли он для чего-либо? Да, он нужен. Для того, чтобы совершилось чудо, нужно сотрудничество человека, нужна добрая его воля, нужна его вера, нужна его открытость, нужен его дар самого себя. Священник – это человек, которого Бог ставит на такой грани, где только сам Иисус Христос по праву может стоять. Это одно из самых потрясающих переживаний в жизни, когда человек, поставляемый в диаконы и потом в священника, проходит в первый раз грань Святых Врат. До этого он входил в алтарь боковыми воротами, теперь он входит через Царские Врата, через которые только Царь Славы может по достоинству и по праву вступить. В этот момент рукоположения священника я всегда его останавливаю:

– Ты понимаешь, что сейчас совершается? Ты сейчас пройдешь грань, которую только Христос может по праву пройти. И ты можешь пройти эту грань, если ты *так* соединен со Христом, что Его смерть, Его мертвость по отношению к греху, становится твоей; Его жизнь становится тоже твоей...

Только тогда человек может пройти эту грань и будет участвовать в таинствах. Да, Он участвует как икона. Он глас Божий, Он глас народа. Он *кричит* Богу от имени всей твари и всего собравшегося народа:

– Господи, приди! Господи, соверши над нами неповторимое таинство, соедини нас с Самим Собой, очисти нас от греха, приобщи нас к Твоей святости...

И в ответ на это Дух Святой сходит на воды крещения, на хлеб и на вино причащения, на елей елеопомазания. Это мы должны помнить, это должен помнить каждый священник, потому что он стоит во имя всего народа, являясь как бы частью этого народа, который требует спасения. Он стоит, произнося слова, которые только Христос может произнести, которые только Он может изречь над хлебом, над вином, над водами крещения и т. д. Таинство является действием Божиим, оно приобщает нас к Божественной тайне и к тайне нашего истинного человечества. В тайне крещения мы становимся постепенно теми людьми, которыми мы призваны стать, и возрастаем в этом отношении постоянно, очищаемся от греха, который нас отделяет от Бога; делаемся чистыми по подобию первых людей в момент когда они были сотворены. Мы перерастаем эту меру приобщенностью ко Христу, который присоединяет нас к Своей человечности, человечности совершенной, и в ней приобщает нас к Своему Божеству.

Хотелось бы остановиться на тайне крещения отдельно, потому что из всех событий, описанных в Евангелии, тайна крещения нам понятна более других. Есть как бы три момента в тайне крещения. Первое крещение – это крещение Иоанново. Иоанн Креститель звал к себе народ и говорил: *«Покайтесь, то есть отрекитесь от всего того, что вас делает противниками Бога или чуждыми Богу. Отрекитесь от всего греховного, от всей нечистоты, от всей неправды, от всей своей порабощенности злу. И для того, чтобы показать эту свою готовность, погрузитесь в эту воду, как бы омыв с себя всю нечистоту»*.

Я помню, один пастырь мне говорил, как он понимает таинство крещения. Он говорил,

что Христос погружается в воды, которые *отяжелели* всем грехом человечества, отяжелели смертностью, которую за собой влечет грех. Он, погружаясь в эти воды, погружается в *смертность*, принимая на Себя не грех, но все последствия греха. Он говорил, что это подобно погружению чистого льна в красильню. Лен, конечно, не меняется по существу, но становится окрашенным кровью. Да! Это то, что совершается крещением Христовым, которое необходимо, неизбежно связано с крещением Иоанновым. В крещении покаяния эти воды как бы заполняются смертностью человеческой, принимаются Христом на Себя, как смерть всего человечества, которую Он понесет до креста. Когда мы погружаемся в воды крещения, мы погружаемся в воды, из которых Христос извлек всю смертность, всю нечистоту; которые прикоснулись к чистоте, к святости самого Христа; которые преисполнены огнем Божества, сжигающего смертность, приняв ее на Себя. Когда мы приходим креститься, мы должны помнить, что мы погружаемся в воды, которые являются символом смерти и воскресения.

Если человека погрузить с головой в воду, то это для него смерть. Когда нас погружают с головой в крестильные воды, мы должны это ощутить как момент, когда смерть пришла к нам, если только мы не будем вызваны из этой стихии смерти голосом Божиим. И следующее действие: мы восходим, выходим из этих вод, что является символом нашего воскресения. Мы выходим и в первый раз не дышим; мы дышим по-новому. Мы очищены от нашего первородного греха – отречения от Бога, чуждости к Богу. Мы входим в область новой жизни. Теперь мы становимся Христовыми. Мы несем в себе чистоту, святость Христа вместе с Его вечной жизнью, которая нам дана. Что это значит? Апостол Павел об этом говорит так: *«Раньше, перед крещением мы оскверняли только себя самих; а после крещения, когда мы оскверняем нашу плоть и нашу душу, мы оскверняем Самого Христа»*. Он трагически об этом говорит, когда взывает к верующим: *«Неужели мы возьмем члены тела Христова, то есть наши члены: руки, ноги, все тело и отдадим все это в осквернение блуднице?»*

Это не обязательно блудный грех, а все то, что является блудом по отношению к Богу: действие, мысли, чувства, желания, поступки, которые никак не совместимы с нашим единством со Христом. Вот в этом трагическое значение крещения, в этом предельное его значение. В крещении мы делаемся Телом Христовым, и все то, что мы совершаем над своим телом, над своей душой, над своей жизнью, мы совершаем, как богоубийцы или люди, вторично отрекающиеся от Христа после того, как стали едины с Ним. Это очень большая ответственность. И только погрузившись в эти воды и приняв единство со Христом, мы можем идти дальше от крещения к дару Святого Духа, который нам дается немедленно, как он был дан Христом, когда тот вышел из вод иорданских. И мы можем идти к Царским Вратам, через которые мы еще не пройдем, но из которых к нам выйдет Христос, приобщая нас к Телу Своему и к Крови Своей. В этом сущность и всех других таинств.

О покаянии

В чем заключается покаяние? Человек, который отвернулся от Бога или жил собой, вдруг или постепенно понимает, что его жизнь не может быть полной в том виде, в каком он ее переживает. Покаяние заключается в том, чтобы обернуться лицом к Богу. Этот момент изначальный и решительный. Когда мы вдруг меняем курс, и вместо того, чтобы стоять спиной или боком по отношению к Богу, по отношению к правде, по отношению к своему призванию, мы уже сделали первое движение, мы обратились к Богу. Мы еще не покались в том смысле, что мы не изменились; но, чтобы это случилось, мы должны что-то пережить, потому что мы не отвращаемся от себя и не обращаемся к Богу просто так, как нам вздумается. Бывает: человек живет себе спокойно, ничего с ним не происходит особенного. Он как бы «пасется» на поле жизни, щиплет траву, не думает, что над ним небо бездонное, не думает ни о какой опасности, ему жить хорошо. И вдруг что-то случается и обращает его внимание на то, что все не так просто. Это происходит у всех людей по-разному.

Бывает так, что человек совершает тот или другой, как будто незначительный, поступок и вдруг видит его последствия. Я помню одного мальчика, который размахивал перед своей сестренкой кинжалом. Размахивая этим кинжалом, он ее ослепил. В тот момент он вдруг понял, что бездумно, безответственно играть таким предметом, как кинжал. Эта женщина оставалась слепа на один глаз в течение всей своей жизни, но ее брат этого никогда не мог забыть. Он помнил об этом не в том смысле, что боялся прикоснуться к кинжалу или к перочинному ножу, он знал, что самые незначительные действия могут иметь окончательно трагическое значение. Иногда мысль, которая нас приводит к покаянию, бывает не так трагична, мы слышим вдруг то, что о нас думают люди. Мы представляем себя всегда в хорошем виде. Когда нас критикуют, у нас появляется тенденция думать, что человек, который нас не видит такими прекрасными, какими мы себя видим, ошибается. Но вот мы услышали еще несколько мнений других людей о самих себе. Мы думали, что мы герои, а все думают, что мы трусы. Мы думали, что мы безукоризненно правдивы, а люди думают, что мы лукавы и т. д. Если мы остановим внимание на этом, мы уже ставим перед собой вопрос: кто я? каково мое призвание в жизни? Я не говорю о ремесленном призвании, а о том, каким человеком я могу стать. Неужели я удовлетворен тем, кем я являюсь, не могу ли я себя перерасти, стать лучше?

Случается, что обращает мое внимание на себя самого не голос одного или другого нашего знакомого, а чтение Евангелия. Я читаю Евангелие и вижу, каков может быть человек. Я вижу образ Христов во всей его красоте или, во всяком случае, в той мере красоты, какую я способен увидеть. Я начинаю себя сравнивать. Я начинаю обращаться не на себя самого, а на другое: или на образ Христа, или на то, что обо мне думают люди: и начинается суд над собой. В момент, когда начинается суд, начинается и покаяние. Это еще не полнота покаяния, потому что произвести над собой качественный суд – это не значит быть в душу раненным тем, что я совершил, и чем я являюсь.

Иногда мы сознаем головой, что мы плохи и в том и в другом отношении должны быть иными, а чувством мы этого не можем пережить. Мне вспоминается один случай. Много лет назад (еще в 20-х годах) был съезд русского студенческого христианского движения. На этом съезде присутствовал один замечательный священник – отец Александр Ельчанинов, писания которого сейчас переизданы в России. К нему пришел на исповедь офицер и сказал:

– Я могу вам выложить всю неправду моей жизни, но я только ее головой сознаю. Мое сердце остается совершенно нетронутым. Мне все равно. Головой я понимаю, что это все зло, а душой никак не отзываюсь: ни болью, ни стыдом.

И отец Александр сказал потрясающую вещь:

– Не исповедуйтесь мне. Это будет совершенно напрасное дело. Завтра, перед тем как я буду служить литургию, вы выйдите к Царским Вратам. И когда все соберутся, вы скажите то, что вы только что сказали мне, и исповедуетесь перед всем собравшимся съездом.

Офицер на это согласился, потому что он чувствовал себя *мертвецом*; он чувствовал, что в нем жизни нет, что у него только память и голова, а сердце мертво, и жизнь в нем погасла. Он вышел от священника с чувством ужаса. Офицер думал, что начини он сейчас говорить, и весь съезд от него отвернется. Все с ужасом посмотрят на него и подумают: «Мы считали его порядочным человеком, а какой он негодяй, он не только негодяй, но и мертвец перед Богом». Но он пересилил свой страх и ужас, встал и начал говорить. И случилось для него самое неожиданное. В момент, когда он сказал, зачем он встал перед Царскими Вратами, весь съезд обратился к нему сострадательной любовью. Он почувствовал, что все ему открылось, что все открыли объятия своего сердца, что все с ужасом думают о том, как ему больно, как ему страшно. Он разрыдался и в слезах произнес свою исповедь; и для него началась новая жизнь.

И вот тут мы касаемся очень важного момента, именно покаяния. Покаяние заключается не столько в том, чтобы хладнокровно увидеть в себе грех и принести его Богу на исповеди, сколько в том, что нас что-то *так* ударило в душу, что вырвались из наших глаз и из нашего сердца слезы. Св. Варсонофий Великий говорит, что слезы истинного

покаяния могут нас очистить так, что даже отпадет необходимость идти на исповедь: если нас Бог простил, то человеку нечего больше прощать.

Есть интересная мысль у ученика преп. Симеона Нового Богослова, преп. Никиты Стифата, где он говорит, что *слезы истинного покаяния могут человеку вернуть даже потерянную телесную девственность*. Покаяние должно быть именно такое.

Но мы не можем так каяться постоянно. Это нам не под силу. Что же нам делать? Вы, наверно, читали о том, как совершаются раскопки древних городов или памятников. Приходит археолог и начинает скрести землю. Сначала он видит обыкновенную почву, но постепенно начинает различать какие-то очертания того, что давным-давно легло под землю. Это уже первое видение. Когда мы в себе видим самым зачаточным образом что-либо, что недостойно ни нас самих, ни той любви и уважения, которыми мы окружены, ни той любви, которую Бог нам проявляет – это уже начало нашего прозрения. Мы можем пойти на исповедь и сказать, что под почвой, может быть, очень глубоко лежит мир греха, но я узнал на поверхности кое-что о нем. Я хотел бы это принести Богу и сказать:

– Я это увидел! Ты мне помог это увидеть. Господи! И я отрекаюсь от этого зла. Я пока еще не умею каяться, но я знаю, что это несовместимо ни с моей дружбой с Тобой, ни с тем отношением, моих близких которым я окружен, ни с тем, чем я хочу быть.

Есть старая средневековая разрешительная молитва, которая заканчивается словами: *«И да простит тебе Господь все грехи, в которых ты истинно раскаялся»*. Не то, что ты просто рассказал, а то, перед чем ты содрогнулся душой, что тебя охватило ужасом. Эти грехи тебе прощаются. Остальное является твоей новой задачей. Ты должен дальше и дальше, глубже и глубже уходить в себя, в эти раскопки, и начать находить то, что недостойно ни тебя, ни Бога, ни того, что о тебе думают люди. Исповедь, таким образом, делается частью прогрессивного, постепенно углубляющегося покаяния. Постепенно раскрываются перед тобой новые глубины. Вы тогда скажете:

– В чем же заключается жизнь? В том, чтобы уходить в эти глубины и видеть в себе только зло, зло, зло?.. Уходить во тьму? С этим нельзя жить!

Да, с этим нельзя жить. Но тьму разгоняет свет. Если мы видим в себе что-нибудь умное – это значит, что свет проник в новую глубину нашей жизни. Я хочу привести пример, который я привожу детям.

Ко мне приходит ребенок и говорит:

– Я всматриваюсь во все зло, которое во мне есть, и не умею его искоренить, вырвать из себя.

Я его спрашиваю:

– А скажи: когда тыходишь в темную комнату, неужели ты машешь в ней белым полотенцем в надежде, что тьма разойдется, рассеется?

– Нет. Конечно, нет!

– А что ты делаешь?

– Я открываю ставни, я открываю занавески, я открываю окна.

– Вот именно! Ты проливаешь свет туда, где была тьма. Так же и тут. Если ты хочешь по-настоящему каяться, исповедоваться поистине и меняться, тебе не надо сосредотачиваться только на том, что в тебе плохо. Тебе нужно впустить в себя свет. А для этого нужно обратить внимание на то, что у тебя уже есть светлого. И во имя этого света бороться со всей тьмой, которая в тебе есть.

– Да, но как это сделать? Неужели я буду о себе думать, что вот я такой хороший в том или другом отношении?

– Нет. Читай Евангелие и отмечай в нем те места, которые ударяют тебя в душу, от которых трепетно делается сердце, от которых ум светлеет, которые подстегивают твою волю к желанию новой жизни. И знай, что в этом слове, в этом образе, в этой заповеди, в этом примере Христа ты нашел себе искорку Божественного света. И оскверненная, потемневшая икона, которой ты являешься, просветлела. Ты уже немного становишься похожим на Христа, в тебе понемногу начинает проявляться образ Божий. А если так, то

запомни это. Если ты будешь грешить, то будешь осквернять святыню, которая в тебе уже есть, уже живет, уже действует, уже растет. Ты будешь тушить в себе образ Божий, тушить свет или окружать его тьмой. Этого ты не делай. Если ты будешь верен тем искрам света, которые в тебе уже есть, то постепенно тьма вокруг тебя будет рассеиваться. Во-первых, там, где свет, тьма уже рассеяна. Во-вторых, когда ты обнаружишь в себе какую-то область света, чистоты, правды; когда смотришь на себя и думаешь, что ты на самом деле настоящий человек, тогда можешь начинать бороться с тем, что наступает на тебя подобно врагам, наступающим на город, затемняя этот свет в тебе. Вот ты уже научился почитать чистоту, и вдруг к тебе подымается грязь мыслей, телесных желаний, чувств, чувствительности. В этот момент ты себе можешь сказать: нет, я обнаружил в себе искорку целомудрия, искорку чистоты, желание кого-то полюбить без того, чтобы этого человека осквернить даже мыслью, не говоря уже о прикосновении. Эти мысли я допустить в себе не могу, не стану, буду бороться против них. Для этого я обращусь ко Христу и буду кричать Ему: "Господи, очисти! Господи, спаси! Господи, помоги!" И Господь поможет.

Но Он не поможет тебе, прежде чем ты сам не поборешься. Есть рассказ в жизнеописании преп. Антония Великого, как он отчаянно боролся с искушением. Боролся так, что, наконец, в изнеможении упал на землю и лежал без сил. Вдруг перед ним явился Христос, и, не имея сил подняться к Нему, Антоний Ему говорит: "Господи, где же Ты был, когда я так отчаянно боролся?" Христос ему ответил: "Я стоял невидимо рядом с тобой, готовый вступить в бой, если бы ты только сдался. Но ты не сдался, и ты победил".

И вот я думаю, что каждый из нас может научиться каяться и приходить на исповедь всякий раз с новой победой и с новым видением того поля битвы, которое перед ним раскрывается все шире и глубже. И мы можем получить прощение наших грехов от Христа, прощение того, что мы уже начали в себе побеждать, и благодать – новую силу, чтобы победить то, что мы еще не победили.

Об исповеди

Выше я говорил о покаянии и только коснулся вопроса исповеди. Но исповедь настолько важный вопрос, что я хочу на нем остановиться подробнее. Исповедь бывает двоякая: бывает личная, частная, исповедь, когда человек подходит к священнику и открывает в его присутствии свою душу Богу; бывает общая исповедь, когда люди сходятся большой или малой толпой, и священник произносит за всех, включая и себя самого, исповедь.

Я хочу остановиться на частной исповеди и обратить ваше внимание на следующее: человек исповедуется Богу. В поучении, которое священник произносит перед исповедью каждого человека, говорится: *«Се чадо, Христос невидимо стоит перед тобою, приемля исповедание твое. Я же только свидетель»*. И это надо помнить, потому что мы исповедуемся не священнику, и не он является нашим судьей. Я бы сказал больше: даже Христос не является в этот момент нашим Судьей, а является сострадающим нашим Спасителем. Это очень, очень важно.

Когда мы приходим на исповедь, мы находимся в присутствии свидетеля. Но что это за свидетель? Какова его роль? Свидетели бывают различные. Вот случилась авария на дороге. Какой-то человек стоял при дороге и увидел, что случилось. Его спрашивают: "Что произошло?" Ему совершенно все равно, кто прав, кто виноват. Он просто говорит, что он видел своими глазами. Есть другой род свидетеля. На суде один свидетельствует против подсудимого, а другой свидетельствует в его пользу. Так и священник. Он стоит перед Христом и говорит:

– Господи, прими его, потому что он к Тебе пришел в покаянии. Прими его. Если мне его жалко, то, конечно, и Тебе его жалко, даже больше, чем мне. Я его спасти не могу. Я могу с ним чем-то поделиться, в чем-то помочь, но Ты можешь его преобразить.

Есть третий род свидетеля. Во время заключения брака самого близкого человека

приглашают быть свидетелем. Им является тот, который в Евангелии назван другом жениха. Можно было бы сказать, что в нашей практике он также и друг невесты. Человек, близкий жениху и невесте, может разделить с ними самым полным образом радость преображающей встречи, соединяющей чудо. Священник занимает именно такое положение. Он друг жениха. Он друг Христов, который кающегося приводит к жениху – Христу. Он тот, кто так глубоко связан любовью с кающимся, что готов с ним разделить его трагедию и привести ко спасению. Под трагедией я подразумеваю что-то очень, очень серьезное. Мне вспоминается один подвижник, которого однажды спросили:

– Каким это образом бывает, что каждый человек, который к тебе приходит и рассказывает о своем житье-бытье, даже без чувства покаяния и сожаления, вдруг становится охвачен ужасом перед тем, каким он является грешником? Он начинает каяться, исповедоваться, плакать и меняться.

Этот подвижник сказал замечательную вещь:

– Когда человек ко мне приходит со своим грехом, я этот грех воспринимаю как свой, потому что этот человек и я – едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью или желанием, или поползновением. И поэтому я переживаю его исповедь, как свою собственную. Я иду ступенькой за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, я связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда становится охвачен моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобожденным, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью.

Это предельный пример того, как священник может подойти к покаянию любого человека, как он может быть другом Жениха, как он может быть тем, кто приводит кающегося ко спасению. Священник для этого должен научиться сострадать, научиться чувствовать и сознавать себя *единым* с кающимся. Произнося слова разрешительной молитвы, он предваряет их поучением, что тоже требует честности и внимания.

Иногда бывает, что во время исповеди священнику явно, как бы от Бога, от Духа Святого открывается то, что он должен сказать кающемуся. Ему может показаться, что это не относится к делу, но он должен послушаться этого голоса Божия и произнести эти слова, сказать то, что Бог положил ему на душу, на сердце и на ум. Если он так поступит даже в тот момент, когда это как будто не относится к исповеди, которую принес кающийся, он скажет то, что кающемуся нужно. Иногда у священника нет чувства, что его слова – от Бога. У апостола Павла это тоже было. В своих посланиях он не единожды об этом рассказывает: *«Это я вам говорю именем Божиим, именем Христовым, а это – я вам говорю от себя. Это не отсебятина, это то, что я познал из своего личного опыта, и я с тобой поделюсь этим опытом, опытом моей греховности, моего покаяния и того, чему меня научили другие люди, которые чище и достойнее меня»*. А бывает так, что и этого священник не может сказать. Тогда он может сказать то, что он вычитал у святых отцов или вычитал во Священном Писании. Он может тебе это предложить, ты это прими во внимание, задумайся, и, может быть, через эти слова Божественного Писания тебе Бог скажет то, что он не мог сказать.

А иногда честный священник должен сказать следующее:

– Я всей душой болел с тобой во время твоей исповеди, но сказать тебе на нее ничего не могу.

У нас есть пример этого в лице св. Амвросия Оптинского, которому два раза приходили люди и открывали свою душу, свою нужду, и который три дня их держал без ответа. Когда на третий день в обоих случаях (это были различные случаи, они не вместе приходили) к нему пришли за советом, он сказал:

– Что я могу ответить? Три дня я молил Божию Матерь меня просветить и дать мне ответ. Она молчит. Как же я могу говорить без Ее благодати?

В частной, личной, исповеди человек должен придти и свою душу излить. Не смотреть в книжку и не повторять слова других. Он должен поставить перед собой вопрос: если бы я стал перед лицом Христа Спасителя и перед лицом всех людей, которые меня

знают, что бы явилось предметом стыда для меня, что я не мог открыть с готовностью перед всеми, потому что слишком было бы страшно от того, что меня увидят таким, каким я себя вижу? Вот в чем надо исповедоваться. Поставь себе вопрос: если моя жена, мои дети, самый мой близкий друг, мои сослуживцы знали бы обо мне то или другое, было бы мне стыдно или нет? Если стыдно – исповедуй. Если то или другое было бы мне стыдно открыть Богу, Который и без того это знает, но от Которого я стараюсь это спрятать, мне было бы страшно? Было бы страшно. Открой это Богу, потому что в тот момент, когда ты это откроешь, все, что ставится в свет, делается светом. Тогда ты можешь исповедоваться и произносить свою исповедь, а не трафаретную, чужую, пустую, бессмысленную.

Особенно, когда речь идет о детях, надо помнить, что детям нельзя навязывать исповедь, которая не является их исповедью. Им нельзя говорить: "Ты запомни, что ты меня рассердил таким-то образом, что ты поступил неправо таким-то образом, вот покайся в этом". Надо дать ребенку стать перед Богом, как перед другом, и с ним поделиться всей своей жизнью и душой, своей болью о родителях, даже тем, как он ее иногда тяжело переживает.

Я коротко скажу об общей исповеди. Общая исповедь может произноситься по-разному. Обыкновенно она произносится так: собирается народ, священник говорит какую-нибудь вступительную проповедь и затем, как по книге, произносит наибольшее число грехов, которое он ожидает услышать от присутствующих. Эти грехи могут быть формальными, например: невычитывание утренних и вечерних молитв, невычитывание канонов, несоблюдение поста. Это все формально. Это неформально в том смысле, что перечисленные грехи могут быть *реальными* для каких-то людей, может быть, даже для священника. Но это не обязательно реальные грехи данных людей. Реальные грехи бывают иными.

Я вам расскажу, как я провожу общую исповедь. Она у нас происходит четыре раза в году. Перед общей исповедью я произвожу две беседы, которые направлены на понимание того, чем является исповедь, чем является грех, чем является Божия правда, чем является жизнь во Христе. Каждая из этих бесед длится три четверти часа. Все собравшиеся сначала сидят, слушают, затем наступает получасовое молчание, в течение которого каждый должен продумать то, что он слышал; продумать свою греховность; посмотреть на свою душу.

А потом бывает общая исповедь: мы собираемся в середине церкви, я надеваю епитрахиль, перед нами Евангелие, и обыкновенно я читаю покаянный канон Господу Иисусу Христу. Под влиянием этого канона я произношу вслух свою собственную исповедь не о формальностях, а о том, в чем меня попрекает моя совесть, и что открывает передо мной читаемый мной канон. Каждый раз исповедь бывает разная, потому что слова этого канона всякий раз меня обличают по иному, в другом. Я каюсь перед всеми людьми, называю вещи своими именами не для того, чтобы они меня потом упрекали конкретно в том или ином грехе, а чтобы каждый грех был раскрыт перед ними как мой собственный. Если я не чувствую, произнося эту исповедь, что я истинно кающийся, то и это произношу в качестве исповеди. *«Прости меня, Господи. Вот я произнес эти слова, но они до моей души не дошли».*

Эта исповедь обыкновенно длится три четверти часа, или полчаса, или сорок минут в зависимости от того, что я могу поисповедовать перед людьми. Одновременно со мной люди исповедуются молча, а иногда как бы вслух говорят: *«Да, Господи. Прости меня, Господи. И я в этом виноват».* Это является моей личной исповедью, и, к сожалению, я настолько греховен и настолько похож на каждого, находящегося при этом действии, что мои слова раскрывают перед людьми их собственную греховность. После этого мы молимся: читаем часть покаянного канона; читаем молитвы перед Святым Причащением: не все, а избранные, которые относятся к тому, о чем я говорил, и как я исповедовался. Затем все встают на колени, и я произношу общую разрешительную молитву, чтобы каждый, кто считает нужным подойти и отдельно рассказать о том или другом грехе, мог бы это свободно сделать. Я на опыте знаю, что такая исповедь учит людей произносить частную исповедь. Я

знаю многих людей, которые мне говорили, что они не знают, с чем придти на исповедь, что они согрешили против множества заповедей Христовых, сделали очень много дурного, но не могут собрать это в покаянную исповедь. А после такой исповеди, общей, люди приходят ко мне и говорят, что они теперь знают, как надо исповедовать свою собственную душу, что они этому научились, опираясь на молитвы Церкви, на покаянный канон, на то, как я сам в их присутствии исповедовал свою душу, и на чувства других людей, которые эту же самую исповедь воспринимали как свою. Поэтому после общей разрешительной молитвы люди, которые считают, что они должны что-то частным образом, отдельно поисповедовать, подходят и исповедуют. Я думаю, что это очень важно: общая исповедь становится уроком того, как исповедоваться *лично*.

Ко мне иногда приходят люди, которые вычитывают мне длинный список грехов, какие я уже знаю, потому что у меня те же самые списки есть. Я их останавливаю.

– Ты не свои исповедуешь грехи, – говорю я им, – ты исповедуешь грехи, которые можно найти в номоканоне или в молитвенниках. Мне нужна *твоя* исповедь, вернее, Христу нужно *твое личное* покаяние, а не общее трафаретное покаяние. Ты не чувствуешь, что ты осужден Богом на вечную муку из-за того, что ты не вычитывал вечерних молитв или не читал канона, или не постился.

Иногда бывает так: человек старается поститься, потом срывается и чувствует, что он осквернил весь свой пост и ничего не остается от его подвига. На самом деле все совершенно не так. Бог иными глазами на него смотрит. Это я могу разъяснить одним примером из своей собственной жизни. Когда я был доктором, то занимался с одной очень бедной русской семьей. Денег я у нее не брал, потому что никаких денег не было. Но как-то в конце Великого поста, в течение которого я постился, если можно так сказать, зверски, т. е. не нарушая никаких уставных правил, меня пригласили на обед. И оказалось, что в течение всего поста они собирали гроши для того, чтобы купить маленького цыпленка и меня угостить. Я на этого цыпленка посмотрел и увидел в нем конец своего постного подвига. Я, конечно, съел кусок цыпленка, я не мог их оскорбить. Я пошел к своему духовному отцу и рассказал ему о том, какое со мной случилось горе, о том, что я в течение всего поста постился, можно сказать, совершенно, а сейчас, на страстной седмице, я съел кусок курицы. Отец Афанасий на меня посмотрел и сказал:

– Знаешь что? Если бы Бог на тебя посмотрел и увидел бы, что у тебя нет никаких грехов и кусочек курицы тебя может осквернить, Он тебя от нее защитил бы. Но Он посмотрел на тебя и увидел, что в тебе столько греховности, что никакая курица тебя еще больше осквернить не может.

Я думаю, что многие из нас могут запомнить этот пример, чтобы не держаться устава слепо, а быть прежде всего честными людьми. Да, я съел кусочек этой курицы, но я его съел для того, чтобы не огорчить людей. Я ее съел не как скверну какую-то, а как дар человеческой любви. Я помню место в книгах отца Александра Шмемана, где он говорит, что все на свете есть не что иное как Божия любовь. И даже пицца, которую мы вкушаем, является Божественной любовью, которая стала съедобной...

О МОЛИТВЕ

Церковь является местом встречи, соединением Бога с человеком и одновременно самым чудом этого соединения. В связи с этим справедливо будет сказать, что существуют три элемента в жизни верующего и Церкви в целом, которые абсолютно необходимы. Первое – это, конечно, действие Божие, которое нас с Ним соединяет. Я здесь имею в виду не воплощение, а именно таинства, те действия Господни, которые совершаются Им над нами, но не без нас, поскольку с нашей требуется стороны открытость, вера, жажда встречи с Богом. С другой стороны, дары Божий предлагаются, но мы должны бороться за то, чтобы эти дары стали не только нашим достоянием, но и пронизали бы нас до предела наших глубин. И если мы хотим быть членами Церкви, учениками Христа, то вступает в силу

момент верности. А верность – это постоянный подвиг, постоянная борьба с самим собой, со грехом, со всеми силами зла, которые встречаются нам в жизни. Наконец, на основании этой борьбы и на основании этого дара Божия в таинствах совершается встреча совсем иного рода, – постоянная, все углубляющаяся, происходящая в молитве. И вот об этой молитве мне хочется кое-что сказать.

Мы часто думаем о молитве в уставных или формальных категориях. Часто приходят люди на исповедь и говорят, что они не выполняли своего молитвенного правила и тех или иных молитвенных действий. Но молитва не только в этом. Самая сущность молитвы – это наша устремленность к Богу, устремленность к тому, чтобы встретить Его лицом к лицу. В конечном итоге, молитва – это предстояние перед Богом, которое начинается со слов и затем возрастает, углубляется до созерцательного молчания.

Я читал об одном западном подвижнике, который был приходским священником малой церкви во Франции. Как-то он пришел в церковь и увидел там одного старика, который сидел молча и смотрел перед собой. Священник обратился к нему с вопросом:

– Дедушка, что же ты часами здесь делаешь? губами ты не шевелишь, пальцы твои не бегают по четкам. Что ты делаешь здесь?

Старик посмотрел на него и тихо ответил:

– Я на Него гляжу. Он глядит на меня, и мы так счастливы друг с другом.

Это была подлинная встреча в глубинах молчания.

Я вспоминаю другого человека, неизвестного миру, моего духовного отца – отца Афанасия Нечаева. Перед своей смертью он написал мне письмо, в котором говорил, что он познал *тайну созерцательного молчания* и теперь может умереть. И по истечении трех дней он умер.

Самая глубина молитвы заключается в том, чтобы встретить Бога лицом к лицу. Я говорю не о зрительном восприятии, а о встрече с Ним в самых тайниках и глубинах нашей души. Это то, к чему мы должны стремиться, и то, чему мы должны учиться.

Мы должны учиться молчать – это первое. Встать перед Богом или просто сесть перед лицом Божиим и научиться молчать, дать всем силам воображения, всем мыслям улечься, всем чувствам успокоиться. Приведу пример. Много лет назад, как только я стал священником, меня послали в старческий дом. Там жила старушка ста одного года, которая после моего первого Богослужения подошла в ризнице ко мне и сказала:

– Отец Антоний, я от Вас хочу получить совет. Я уже много-много лет постоянно повторяю молитву Иисусову и никогда не ощущала присутствия Божия. Скажите: что мне делать?

Я тогда с готовностью, с радостью ответил:

– Найдите человека, который опытнее в молитве, и он вам все скажет.

Она на меня посмотрела и сказала, что за всю свою долгую жизнь обошла всех людей, которые хоть что-нибудь знают, и ничего путного не услышала.

– Я на вас посмотрела, – сказала она, – и подумала: "Он наверное ничего не знает. Может быть он случайно (простите меня за выражение) он что-нибудь ляпнет, что мне пойдет на пользу".

Я подумал: "Если уж на то пошло, то я могу занять положение "валаамовой ослицы", на которой ехал пророк на негодное Богу дело. Я решил, что если ослица могла заговорить, попробую и я, как ослица, что-нибудь сказать".

– Как вы думаете, когда может Бог успеть что-нибудь вам сказать или проявить свое присутствие, если вы все время говорите?

– А что же мне делать?

– Вот что вы сделайте. Вы завтра утром встаньте, уберите свою комнату, затеплите лампаду перед иконами, сядете так, чтобы видеть и иконы, и лампаду, и открытое окно (тогда было лето), и фотографии любимых людей на камине. Возьмите спицы и шерсть, и вяжите молча перед лицом Божиим. И не смейте говорить ни одной молитвы. Сидите мирно и вяжите.

Она на меня посмотрела больше с недоверием, чем с надеждой, и ушла. На следующее утро я должен был служить там. Я надеялся, что ее нет, думая, что мне достанется от нее. Она была. После службы она зашла в ризницу и сказала:

– Отец Антоний, а знаете, получается.

– Что получается?

– Я сделала то, что вы мне сказали. Я села, начала молчать, вокруг было тихо, а потом я стала слышать звук спиц, которые тихо ударяли друг о друга. Этот звук как бы углубил чувство молчания вокруг меня. Чем больше я ощущала это молчание, тем больше я ощущала, что это молчание – не просто отсутствие шума, а в нем есть что-то иное, есть чье-то присутствие в сердцевине этого молчания. И вдруг я почувствовала, что в сердцевине молчания – Сам Господь. Тогда я почувствовала, молясь словами, равно как не молясь словами, что я с Ним, Он на меня смотрит, я гляжу на Него, и так хорошо нам вместе.

Здесь ее опыт совпал с опытом простого крестьянина XVIII века из Франции. Теперь она знала, что если ей захочется молиться, почувствовать, сознать присутствие Божие, то ей достаточно самой замолчать до момента, пока она не почувствует, не почувствует, не узнает, что она пробилась через тот шум мыслей, тот беспорядок чувств, который в ней существовал иначе, и теперь может с Богом говорить, потому что она перед Его лицом. Это очень важный момент, и мы все этому должны учиться. То что я говорю: это не моя выдумка. Об этом подробно и очень ярко пишет св. Феофан Затворник.

Мы не можем постоянно жить такой молитвенной жизнью, есть и другие моменты. Мы читаем молитвы, и нам необходимо эти молитвы читать, потому что мы не можем при нашем малом духовном опыте постоянно довольствоваться только этим созерцательным состоянием. Мы до него не доходим сразу, нам нужна поддержка. И нам даны утренние молитвы, вечерние молитвы. Богослужения, акафисты и т. д. Как возможно совместить с ними то, о чем мы говорили выше? Часто мне говорят:

– Я читал утренние и вечерние молитвы и не могу отозваться на все, что там сказано.

Я всегда говорю вопрошающему:

– А как ты можешь ожидать, что будешь отзываться на все, что там сказано. Ты посмотри: над каждой молитвой стоит имя какого-нибудь святого: Василия Великого, Симона Нового Богослова, Иоанна Златоуста и т. д. Неужели ты можешь мечтать о том чтобы переходя от молитвы к молитве, ты сможешь в полноте пережить, как бы соединиться с опытом всех этих святых, то есть вместить в себя молитвенный опыт шести, десяти, двенадцати святых, которые написали или составили эти молитвы?

Я напрасно употребил слова "написали или составили". Молитвы, которые у нас есть, псалтири или молитвы из нашего молитвослова, не были написаны. Никто не сидел перед письменным столом и не сочинял молитвы. *Эти молитвы – крики души*, вырывающиеся так, как кровь льет из раны, в момент или восторга, или покаяния, или отчаяния, или боли, или надежды: которые святой потом запечатлел на бумаге, чтобы не забыть то, что когда-то с ним случилось. И если мы хотим молиться молитвами святых, мы должны, во-первых, их читать *честно*, приступая к молитве, обратиться к святому и сказать ему:

– Святой Василий, святой Иоанн, святой Симеон, я буду употреблять твои молитвы, но я не в состоянии их вместить. Я буду их повторять *всей честностью своей*, всем своим умом, пониманием, а ты возьми эти молитвы и вознеси с твоею собственной молитвою к Престолу Божию.

Это уже начало нашего общения с данным святым и с тем, что он вложил в эту молитву. А в эту молитву он вложил все: свое знание о Боге, вложил свое знание о себе самом, свой опыт жизни, свою нужду, он влился в эту молитву. Когда мы будем читать ее, некоторые ее моменты нам будут понятны и близки, потому что они человечески, а некоторые будут для нас закрыты и непонятны. Нам не под силу будет сказать от себя самих некоторые слова, которые святой сказал совершенно правдиво из глубин своего опыта. Когда я еще был юношей, я поссорился насмерть со своим товарищем. Я пришел к отцу Афанасию и сказал ему:

– Что мне делать, я поссорился с Кириллом и простить ему не могу то, что он мне сделал. Что мне делать?

Отец Афанасий на меня спокойно посмотрел и сказал:

– Когда читаешь "Отче наш", там есть момент, где говорится: "прости, как я прощаю". Дойдешь до этого места и скажи: "Господи, не прощай меня, потому что я Кирилла простить не могу".

– Я не могу этого сказать.

– Ты ничего другого сказать не можешь.

Я попробовал, дошел до этого места и не мог этих слов произнести. Я вернулся к отцу Афанасию.

– Ну если ты не можешь сказать этих слов, то перескочи через это прошение.

Я попробовал – невозможно, потому что это прошение, как грань, стоит между моим спасением и моей гибелью. Я вернулся снова к отцу Афанасию. Он говорит:

– И что? Тебе страшно, что ты погибнешь? Тогда ты вот что попробуй сделать. Скажи: Господи, я очень хотел бы простить Кирилла, да не могу. Ты можешь меня простить постольку, поскольку я хотел бы ему простить.

Я попробовал и это получилось. А потом постепенно, переходя от одного оттенка переживания к другому, я вдруг увидел, какое это безумие. Конечно, я могу простить Кирилла, он передо мной даже и не виноват. Мы оба друг перед другом виноваты. Я сначала с ним примирился, а потом свободно, спокойно оказался в состоянии говорить эти Божественные слова, которые решают нашу судьбу.

Надо говорить слова молитвы честно. И когда мы не можем чего-нибудь сказать совершенно честно, мы должны сказать Господу: *«Я произношу только слова святого, который написал эту молитву, но от себя это я не могу сказать. Помогите мне когда-нибудь дорасти до этой меры»*. Но дорасти будет невозможно, если мы просто будем твердить эти молитвы и к ним никогда не возвращаться.

А для этого надо сделать две очень важные вещи. Во-первых, то, что нам св. Феофан Затворник предписывает: продумать и прочувствовать каждую молитву не в тот момент, когда мы совершаем молитвословие, а когда мы можем сесть спокойно, читать эту молитву, вдумываться в нее. Мы можем поставить перед собой вопрос: вот то, что знал святой такой-то о Боге, о себе, о жизни. Что я знаю об этом? Мы должны почувствовать, довести до своего сознания, до своего сердца и как бы из глубин своего воспоминания, своего опыта жизни вынести на поверхность все то, что соответствует словам этой молитвы, так, чтобы в момент ее прочтения весь мой духовный и человеческий опыт был вызван наружу словами этой молитвы. Тогда каждая молитва постепенно начнет *оживать*, становится *моей* молитвой, вокруг каждого слова будут кристаллизироваться моменты *моего* собственного опыта.

Во вторых, существуют молитвы, которые могут служить как бы программой для жизни. Например, в вечерних молитвах есть двадцать четыре коротких молитовки на каждый час дня св. Иоанна Златоуста. Мы их читаем вечером, оптом, если так можно выразиться. Но мы можем каждый день выбирать одну из этих молитв и посвятить ей, если не целый день, то полдня или несколько часов. *«Господи, в покаянии прими мя!»*. Вот подумай, почувствуй, что значит покаяние. И когда ты это продумаешь и прочувствуешь, посвети хотя бы несколько часов этого дня тому, чтобы учиться каяться. Есть другие молитвы: *«Господи, дай мне слезы и память смертную и умиление! Господи, даждь мне целомудрие, послушание и кротость!»* Если взять одно из этих слов и поставить себе за правило в течение одного дня, нескольких часов или полдня против этого не грешить, то каждая молитва начнет оживать. И когда мы будем становиться на молитву перед Богом, мы не будем просто твердить молитвы святых, а будем словами святых возносить Богу свою молитву. Тогда получится то, что один мальчонка сказал своей матери после того, как она заставила вычитать вечерние молитвы.

– Мама, теперь после того, что мы намолитвословили, давай-ка сделаем себе удовольствие и помолимся Богу. Скажем Ему сами то, что мы о Нем чувствуем или то, что

нам хочется Ему сказать.

Вот с этого бы начать и нам.

Духовность и духовничество

Я хотел бы сначала определить слово «*духовность*», потому что обычно, говоря о духовности, мы имеем в виду определенные религиозные выражения нашей духовной жизни, такие, как молитва, как подвижничество. Это становится ясно из святоотеческих книг, как, например, книги Феофана Затворника. Говоря о духовности, как мне кажется, надо помнить, что духовность заключается в том, что в нас совершает действие Святой Дух. И то, что мы называем духовностью, обычно – это таинственное проявление действия Духа Святого.

Это положение сразу ставит духовничеству очень четкие границы, потому что здесь идет речь не о том, чтобы человека *воспитывать* по каким-то принципам, научить его развиваться в молитве или аскетически по каким-либо трафаретам. Духовничество будет заключаться в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он ни находился, зорко следил бы за тем, что над человеком и в человеке совершает Святой Дух, согревал бы Его действие и защищал от соблазнов и падений, от колебаний неверия. В результате этого духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а, с другой стороны, гораздо более значительной, чем мы часто думаем.

Я хочу предварительно сказать несколько слов о том, что «духовничество» – неоднозначное понятие. Существует, как мне кажется, три типа духовников. Прежде всего, на самом основном уровне, это священник, которому дана благодать священства, заключающая в себе не только право, но и благодатную силу совершать таинства: таинство евхаристии, таинство крещения, таинство миропомазания, а также таинство исповеди, то есть примирения человека с Богом.

Большая опасность, которой подвергается молодой, еще неопытный священник, полный энтузиазма и надежды, заключается в том, что он, только что вышедший из стен Богословской школы, воображает, что рукоположение наделило его и умом, и опытностью, и различением духов. В аскетической литературе это явление называется "младостарчеством". Священник, еще не обладающий духовной зрелостью, еще не обладающий даже тем знанием, которое дает просто личный опыт, но думающий, что его *научили* всему этому, считает, что это знание может ему помочь взять кающегося грешника за руку и возвести от земли на небо. К сожалению это случается слишком часто и повсеместно. Молодой священник только в силу своего священства, не от своей духовной опытности и не от того, что Бог его к этому привел, начинает руководить своими духовными детьми приказами: этого ты не делай; это ты делай; такую-то литературу не читай; в церковь ходи; отбивай поклоны... В результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв, которые, может быть, делая все, что делали подвижники из духовного опыта, становятся похожими на дрессированных животных.

Со стороны духовника – это катастрофа, потому что он вторгается в такую область, в которую у него нет ни права, ни опыта вторгаться. Я настаиваю на этом, потому что это насущный вопрос для священства.

Старцами можно быть только по благодати Божией – это харизматическое явление, это дар, и научиться быть старцем нельзя так же, как выбрать своим произволением гениальность. Мы все можем мечтать о том, чтобы быть гениальными, но, когда мы обращаемся к области, в которой действуем, мы отлично понимаем, что Бетховен или Моцарт, Леонардо да Винчи или Рублев обладали такой гениальностью, какой нельзя научиться ни в какой школе и даже опытным путем. Она является Божественным даром благодати. Я настаиваю на этом. Мне кажется, это насущная тема, потому что роль священника здесь гораздо более центральна. Часто молодые, по возрасту, или по своей духовной зрелости, священники *управляют* своими духовными детьми, вместо того чтобы

их *взращивать*. Взращивать – это значит относиться к ним и поступать с ними так, как садовник относится к цветам или растениям. Надо знать природу почвы, надо знать природу растения, надо знать климатические и другие условия, в которые они поставлены. И только тогда можно помочь – помочь этому растению развиваться так, как ему свойственно по *его собственной* природе. Ломать человека, чтобы его сделать подобным *себе*, нельзя.

Какой-то духовный писатель Запада сказал однажды: "Вы видите, как великие старцы это умели делать. Они умели быть собой, но прозреть в другом человеке его исключительное, неповторимое свойство и дать этому человеку и другому, и третьему возможность тоже быть самим собой, а не *репликой* этого старца или, еще хуже, трафаретным повторением".

Возьмем, например, из истории русской Церкви встречу Антония Печерского и Феодосия. Феодосий был воспитан Антонием и, однако, их жития ничего общего не имеют в том смысле, что Антоний Печерский был отшельником, а Феодосий – основоположником общего жития. Казалось бы, как мог Антоний его «приговорить» к тому, чтобы делать то, что он сам не стал бы делать, и быть таким человеком, каким он сам не хотел быть, и к чему Бог его самого не призывал?

Мне кажется, нужно делать четкое различие между нашим желанием сделать человека подобным себе и желанием сделать его *подобным Христу*. Старчество, как я уже говорил, – это благодатный дар, это духовная гениальность. Поэтому никто из нас не может думать о том, чтобы вести себя *подобно* старцам. Но есть еще промежуточная область – это отцовство. Очень часто молодые и не очень молодые священники из-за того, что их называют отцами, воображают, что они не просто исповедальные священники, а, действительно, отцы в том смысле, в каком Павел говорит в своем послании: «Пестунов у вас много, но я вас родил во Христа». То же самое в свое время говорил Серафим Саровский. Отцовство заключается в том, что какой-то человек – это даже может быть не священник – *родил* к духовной жизни другого человека. И этот человек, взглядевшись в него, увидел, как старое присловье говорит, в *его глазах и на его лице сияние вечной жизни*. Поэтому он мог к нему подойти и просить его быть ему наставником и руководителем. Второе, отличающее отца – это то, что отец как бы одной крови и в духовной жизни одного духа со своим учеником; он может его вести, потому что между ними истинное не только духовное, но и душевное созвучие.

Вы, наверное, помните, как в свое время пустыня египетская была перенаселена подвижниками и наставниками. Однако, люди не выбирали себе наставника по признаку его выдающейся славы, не шли к тому человеку, о котором говорили больше всего хорошего, а находили такого наставника, которого они понимали и который их понимал. Это очень важно, потому что послушание заключается не в том, чтобы делать слепо, что говорит некто, имеющий над вами или материально-физическую, или душевно-духовную власть, а в том, что послушник, выбрав себе наставника, которому он верит безусловно, в котором он видит то, что ищет, вслушивается не только в каждое его слово, но и в тон голоса и старается через все, в чем проявляется личность этого наставника и его духовный опыт, перерасти самого себя, приобщиться к его опыту и стать человеком, уже переросшим пределы той меры, которую он мог достичь своими собственными усилиями. *Послушание – это, прежде всего, дар слушания и не только умом, не только ухом, но всем существом, открытым сердцем, благоговейным созерцанием духовной тайны другого человека*. А со стороны духовного отца, который, может быть, вас родил или воспринял вас уже рожденными, но может быть отцом для вас, должно быть глубокое благоговение к тому, что в вас совершает Святой Дух.

Духовный отец так же, как самый простой, обыкновенный, заурядный священник, должен быть в состоянии видеть в человеке неотъемлемую красоту образа Божия, хотя это может даваться, порой, усилием, вдумчивостью, благоговейным отношением к тому, кто к нему приходит. Если даже человек поврежден грехом, духовный отец должен в нем видеть икону, которая пострадала или от условий жизни, или от человеческой небрежности или кощунства: видеть в нем икону и благоговеть перед тем, что осталось от этой иконы, и

только ради той божественной красоты, которая в нем еще присутствует, работать над тем, чтобы устранить все то, что уродует этот образ Божий.

Отец Евграф Ковалевский, когда он еще был мирянином, сказал, что, когда Бог смотрит на человека, Он не видит в нем ни тех добродетелей, которых в нем может и не быть, ни тех успехов, которых он не имеет, но Он видит незыблемую, сияющую красоту Собственного Образа. Если духовник не способен в человеке видеть эту извечную красоту, видеть в нем начало свершения его призвания стать по образу Христа Богочеловека, то он не может его вести. Человека не строят, не делают, а ему помогают вырасти в меру его собственного призвания.

И тут необходимо уяснить для себя смысл послушания. Обыкновенно мы говорим о послушании, как о подчиненности, подвластности, а очень часто и о порабощении духовнику или тому, кого мы, называем совсем напрасно и во вред не только себе, но и священнику, духовным отцом или своим старцем. Послушание заключается *в слушании всеми силами души*, в равной мере и духовника и послушника (потому что духовник должен прислушиваться всем своим опытом, всем своим существом и всей своей молитвой, я скажу больше, всем действием в нем благодатью Всесвятого Духа) *к тому, что совершает Дух Святой в этом человеке*, который ему доверился. Он должен уметь проследить пути Духа Святого в нем, он должен благоговеть перед тем, *что* Бог совершает, а не стараться воспитать либо по своему образцу, либо по тому, как, ему кажется, человек должен бы развиваться, жертву своего духовного водительства. Это требует смирения с обеих сторон. Мы ожидаем смирения со стороны послушника или духовного чада, но сколько смирения нужно священнику, духовнику для того, чтобы никогда не вторгаться в святую область и относиться к душе человека так, как Моисею было приказано Богом отнестись к той почве, которая окружала Купину Неопалимую. Каждый человек потенциально или реально уже является этой Купиной, и все то, что его окружает – это земля святая, на которую духовник может вступить, только «сняв свои сапоги», подобно мытарю, стоящему у притолоки храма, глядящему в него и знающему, что это область Бога живого, это святое место, и он не имеет права войти туда иначе прежде, чем сам Бог ему не подскажет, какое слово или действие надо совершить. И одна из задач духовника – *воспитать человека в духовной свободе*, царственной свободе чад Божиих, не держать его в состоянии инфантильности всю жизнь, чтобы он каждый раз прибегал по пустякам, пусто, напрасно к своему духовному отцу, а чтобы он вырос в такую меру и сам научился слышать то, что Дух Святой глаголет неизреченными глаголами в его сердце.

Если вы задумаетесь над тем, что значит *смирение*, я вам дам два коротких определения этого. *С-мирение* по-русски – это состояние *примиренности*, когда человек примирился с волей Божией, то есть отдался ей неограниченно, полностью, радостно и говорит: «Делай со мной, Господи, что Ты хочешь». В результате он примирился со всеми обстоятельствами собственной жизни. Всё – дар Божий: и доброе, и страшное. Бог нас призвал быть Его посланниками на земле, и Он нас призывает туда, где мрак – быть светом, где безнадежье – быть надеждой, где радость умерла – быть радостью. И наше место не там, где покойно – в храме при совершении литургии, когда мы защищены взаимным присутствием, а там, где мы в одиночку стоим, как присутствие Христово, в мраке обезображенного мира.

Если подумать о латинских корнях, которые обозначают слово "смирение", то можно сказать, что оно происходит от слова, по-латински обозначающего плодородную землю. *"Подумайте, что представляет собой земля - пишет св. Феофан Затворник – она лежит безмолвная, открытая, уязвимая пред лицом неба. Она принимает от неба и зной, и лучи солнечные, и дождь, и росу. Она также принимает и удобрения: навоз и все, что мы в нее кидаем. И случается, что она приносит плод. И чем больше она выносит того, что мы называем унижением, оскорблением, тем больше она приносит плода".* И вот смирение заключается в том, чтобы раскрыться перед Богом совершенно, и против Него, против воздействия Святого Духа, против положительного образа Христа и Его учения *никак не*

защищаться, быть уязвимыми к благодати так же, как в греховности нашей мы уязвимы бываем от рук человеческих, от острого слова, от жестокого поступка, от насмешки; *отдать* себя так, чтобы Бог имел возможность по нашему собственному желанию совершать то, что бы Он ни захотел, все принимать, открываться и тогда дать простор Святому Духу нас *покорить*.

Мне кажется, если духовник будет учиться смирению в этом смысле, видению этой извечной красоты в человеке, знать *свое место*, место такое святое, такое дивное, как место друга Жениха, который поставлен оберегать встречу жениха и невесты, тогда духовник может действительно быть спутником своего духовного чада, идти шаг за шагом с ним, оберегая его, поддерживая его, никогда не вторгаясь в область Святого Духа. Тогда духовничество делается частью той духовности, к которой каждый из нас призван, и того возрастания в святость, которое каждый духовник должен помочь своим духовным детям совершить.

Монашество и современность

Если говорить о монашестве как о таком состоянии, когда человек отрекся от себя до предела, подвижнически, с готовностью умереть, если нужно, и физически, то есть, свою жизнь отдать для того, чтобы служить Богу, при любых обстоятельствах быть посланником Божиим, то можно предположить, что монашество может менять свой облик. Есть письмо у святителя Феофана Затворника, где он говорит (еще тогда, до революции), что приходит время, когда рассеяны будут монастыри, и монахи, живущие среди людей, будут не замечены, не узнаны, но во всех отношениях будут нести на себе печать монашества, монашеский подвиг отречения и нераздельной любви к Богу.

Я вспоминаю рассказ старца Силуана о монашеской молитве, которая начинается с земли, уходит в Бога и возвращается Богом же на землю. Так он молился за своих работников, думая о каждом из них, принося Богу каждую деталь их жизни и моля Бога их сохранить, их благословить... И он говорит, что постепенно нарастало чувство присутствия Божия в такой мере, что в какой-то момент он забывал и землю, и небо, и тех, о которых молился: его, как на потоке, уносило в глубины Божий, и в этих глубинах он находил тех, о ком молился. Из этих глубин Бог возвращал его на землю, чтобы любить их *Ego* любовью и молиться, но совершенно по-иному.

Поэтому неверным будет утверждение, что только лишь один образ жизни представлял собой подлинное монашество. Речь идет о том, что сущность монашества при внешне разных образах жизни была бы осуществляема в душе и в жизни человека. Конечно, очень легко обмануться и считать себя ангелом на земле, когда ты не прошел настоящей школы, школы послушания, школы целомудрия, школы нестяжательства, школы устойчивости, о которой идет речь. Но это не дается сразу. Говоря об устойчивости, можно обратиться опять к письму Феофана Затворника, где он рассказывает о том, как постепенно должно научиться этой устойчивости. Мы знаем, насколько он был углублен в молитву, соединен с Богом и был подлинно подвижником, преподавателем, а затем епископом. От всего этого он отказался, ушел в монастырь. И, оказавшись там, вдруг почувствовал себя как будто в тюрьме: стены монастырские закрывают ему ту Россию, к которой он привык. Он привык видеть русские просторы: владимирские, тамбовские; неограниченные дали. Тогда он решил постепенно приучить себя к тому, чтобы ограничить свой кругозор. Он решил никогда не выходить за пределы монастыря. Но вначале он поднимался на стены монастыря и глядел вдаль, потому что без этого он еще не мог жить. Потом привык к более тесной жизни не потому, что он привык быть пленником, а потому что он ушел в себя глубже. И он приучил себя к тому, чтобы ходить только в церковь, только в библиотеку монастырскую, только на послушание. Постепенно он еще глубже ушел в себя. Кончилось тем, что он ушел в затвор и двадцать девять лет прожил в одной единственной комнате. И вот, войдя в себя и живя в своем сердце, он сказал замечательные слова о том, что эта комната для него стала слишком

просторна, ему не нужно было столько квадратных метров вокруг себя, потому что он весь был *внутри себя*, как он говорит, *внутрипробывание* было им достигнуто.

Но не надо воображать, что это можно сделать просто заперев дверь и закрыв себя от мира. Человек, который заключен в тюрьму, не является затворником, потому что он рвется наружу, все его мысли, все его сердце вне этих стен. Это совершенно другой путь.

Разнообразные пути в монашестве мы видим с самого начала монашества. И в пустыне были отдельные пустынники и были общежительные монастыри, были маленькие группы монашествующих вокруг того или иного наставника, были такие, которые уходили от всех, и такие, которые принимали всех. Преподобному Моисею задают вопрос о том, почему он свою келию поставил на пути паломников, разве они ему не мешают. Он говорит: "Нет, когда паломник приходит, я в нем вижу Христа, который стучится мне в дверь. Я его упокою, кормлю, даю ему отдых, для того чтобы он шел дальше". И подобный же вопрос задали Арсению Великому: почему он ушел в пустыню так далеко, что никто до него не мог прийти. Вы знаете, что он был наставником детей римских императоров. Как-то пришла к нему в пустыню одна из вельможных женщин, которую он знал в Риме, и просила наставления. Он ей сказал:

– А ты обещаешь исполнить любое послушание, которое я тебе дам?

– Да, отче, обещаю.

– Вот тебе мое послушание: если ты услышишь, что Арсений в таком-то месте, ты уходи в другое.

И когда его спросили, почему он уходит от людей, он ответил, что на Небе у тысячи ангелов и архангелов единая воля, а на земле у десятков людей много волеизъявлений, и он не сможет оставаться цельным в своей воле, своей устремленности, если его будут раздражать воли разных людей.

Были в древности и в более поздние времена подвижники, которые молились в одиночку, *в совершенном одиночестве* стоя перед Богом, в совершенной оторванности физической, вещественной от окружающего мира. Это совершенно не значит, что у них вовсе не было общения. К примеру, Серафим Саровский, с одной стороны, был в затворе, а с другой стороны, молился за весь мир и за отдельных людей, нужду которых Бог ему открывал. Это не было одиночеством в нашем смысле слова, когда запираешься и никого больше не знаешь и ни о ком больше не слышишь.

Церковь – это организм любви. Церковная община, когда она собирается воедино – это община людей, которые друг на друга смотрят и видят друг во друге живую икону Христа, к которой они относятся с благоговением, с трепетом и молитвенно. Поэтому общая молитва является молитвой Тела Христова, то есть Христово присутствие среди этих людей, которые в себе носят какую-то печать самого Спасителя Христа. Но одно не отрицает другого. Были такие подвижники, которые молились в одиночку. Были и такие, которые создавали общины, где все молились вместе. Было скитское житие, например, Нила Сорского, когда вокруг него было двенадцать других монахов. Каждый из них жил в своей келье и молился в одиночку, но они собирались раз в неделю на совершение литургии, где они были едины как Тело Христово. Они совершали службу, которую, в сущности, совершал Сам Христос и в которую они вливались.

Перечитывая службу пострига, я с мучительной ясностью вижу, что после пятидесяти лет я еще не приступил к тому, что я обещал когда-то, принимая монашество. Поэтому я буду говорить, что представляет собой монашество, помня, что человек "от слов своих оправдится и от слов своих осудится", но не только от слов, но и от жизни, и что знание вещей только прибавляет нам ответственности и вновь и вновь требует исправления, покаяния, вступления в ту жизнь, которую человек когда-то увидел перед собой и которую он большей частью осуществить не сумел.

Говорить о монашестве в отрыве от размышления о браке невозможно. Это очень важно помнить, потому что некоторым монашество в Церкви представляется как путь особенный и каким-то образом оторванный от самой сущности Церкви, который

представляет собой не один из аспектов церковности, а исключение. И это легко себе представить, если задуматься над началом монашества, над тем, как оно зародилось, с чего оно началось. Пока Церковь бывала гонимой, монашества в Церкви не было. Все стояли перед угрозой пыток, смерти, мученичества. Если мы вспомним, что слово, которое мы переводим как *мученичество*, на греческом языке означает *свидетельство* : свидетельство, которое может проявляться и в слове, и в красоте жизни, но и в готовности эту жизнь отдать во свидетельство Христу, то легко понять, что, когда прекратились гонения, перед Церковью стал вопрос, как в новых условиях идти героическим, царским путем. Это стало особенно трудно, когда Церковь не только перестала быть гонимой, но была принята Византийской империей, стала верой императора и, значит, всего круга людей, которые следовали его примеру, не всегда следуя его обращению. В то время в Церковь влились толпы людей, которые слегка или с какой-то даже глубиной уверовали во Христа, но которые во время гонений в Церковь не вступали, которые были готовы войти в Церковь, когда она перестала быть путем на Голгофу. Это исторически верно.

Я помню, как отец Георгий Флоровский мне говорил, что, *когда кончилось мученичество, началось монашество* ; что люди героического духа, люди, которые не могли примириться с полумерами, с разжиженным, ослабленным христианством, стали уходить не от мира, не от гонителей, не от язычников, а именно от христианской общины, которая одебелела и *перестала быть Телом Христовым, распятым* ради спасения мира. Они ушли в пустыню для того, чтобы бороться со злом, которое они видели в себе. Они шли на противоборство с бесовской силой, с человеческой немощью. Они шли в пустыню для того, чтобы остаться лицом к лицу с собой и вместе с этим в себе побеждать зло не только ради себя самих, но побеждать ради всего мира, потому что зло, побежденное в одном человеке, уже уменьшено во всей вселенной. Если человек зажжет хоть малую свечу во тьме вселенной, эта вселенная перестанет быть такой же темной, хотя, может быть, никто этого не замечает, но лучи света пронизывают ее до предела. И вот, монахи уходили в пустыню, стояли перед Богом, углублялись в видение себя самих; и одновременно через молитву, через внутренний подвиг, через постоянное стояние перед живым Богом они познавали все глубже и глубже своего Творца, своего Бога, своего Спасителя; и, познавая Его, видя в Нем беспредельную красоту, совершенную, истинную правду, свет немерцающий, они по контрасту видели себя и смирялись. Смирялись оттого, что, стоя перед лицом Божиим, созерцая Его красоту, они познавали свое недостойнство, и, поклоняясь Богу, одновременно научались предельному смирению.

Но это только один из аспектов проблемы, исторический аспект. Монашество так бы и оставалось личным, частным, исключительным делом, если бы не оказалось выражением *сущности* церковной. Читая Евангелие и послания апостольские, мы видим, что Церковь – это общество человеческое, которое верой, надеждой, любовью соединено со Христом. Это общество описано в целом ряде мест в образе брачного пира, то есть соединения Бога со своей тварью в ликовании любви Божией и в ликовании человеческой благодарности преклонения пред *таким* Богом.

Есть и другой образ Церкви, который выражен очень короткими словами: Церковь – это Невеста Христова, готовая идти за Женихом, куда бы Он ни пошел; которая возлюбила Жениха всем своим существом; для которой не существует никого наравне с Возлюбленным. Святой Мефодий Патарский говорит, что, пока человек не возлюбил девушку, он окружен мужчинами и женщинами, когда он кого-то полюбил, у него есть невеста, а вокруг него только люди. Это относится, конечно, не только к отношениям жениха и невесты. Этот путь и есть путь монашеский. Он заключается в том, что некоторые души так возлюбили Бога, что ничего не осталось в мире настолько дорогого, чтобы оторвать их сердце, их мысль, самую жизнь их от Бога, Который их возлюбил всей жизнью и всей смертью Христа. Это люди, которые готовы идти за Господом, куда бы Он ни шел.

Мы знаем путь Христов. Мы знаем, что этот путь – на Голгофу, это путь – на распятие ради спасения мира.

Это очень важно помнить. Распятие монашеское, как и распятие Христово – не личный подвиг о спасении своей собственной, обособленной души, а это подвиг всецерковный, соучастие во спасении мира.

На Валааме лет шестьдесят или семьдесят тому назад жил послушник Николай. Мой духовный, поступивший в те годы в монастырь, его как-то посетил. Он был стариком, больше пятидесяти лет проживший в Валаамском монастыре и так и не ставший монахом, не принявший пострига. И отец Афанасий ему задал вопрос о том, почему же, живя монашеской жизнью, не имея ничего, кроме этой жизни, он не принял пострига. Николай со слезами ему ответил: *«Я еще не могу принять пострига, я не научился сострадательному плачу о всей вселенной»*. Это очень важное слово, потому что слишком легко нам думается, будто монах – это человек, который уходит от всего ради спасения собственной души. Разумеется, и такие бывают монахи. Разумеется, и участие в спасении мира не может пройти мимо спасения собственной души. Какая польза человеку, если он весь мир приобретает, а душу свою сделает напрасной, жизнь свою сделает напрасной? Но оба пути сливаются в одно.

Если, действительно, монашество и тайна брачного пира представляют собой два неотделимых друг от друга аспекта Церкви, то надо задуматься над тем, что между ними общего и что их разделяет. Когда человек принимает монашеский постриг, первый вопрос, который ему ставится – это вопрос о его готовности, вступив в монастырь, никогда из него не выступать. Речь, конечно, может идти о физическом уходе за пределы монастыря, но здесь имеется в виду что-то гораздо более глубокое. Речь идет о том, что человек не может принимать монашество, не может войти в ту духовную и душевную *устойчивость*, которая нужна для монашества, если он не понял, что, *не найдя Бога здесь, нечего Его искать где бы то ни было*. Он Его все равно не найдет, потому что Бог не находится тут или там. Бога находят в глубинах собственной души, когда через молитву, через подвиг, через голод о Боге доходят до самой встречи с Живым Богом. И первое условие, которое ставится монаху – это *устойчивость*: «пойми, знай, что искать тебе Бога где бы то ни было незачем, если Его здесь для тебя нет, Его нигде нет для тебя. Это значит, что, если твое сердце и твой ум для него закрыты здесь, то ты только закрытое сердце и закрытый ум унесешь в любое место, куда пойдешь в поисках Бога».

Чисто практически это, конечно, относилось к вступлению в ту или другую общину с обязательством оставаться в братском общении и под руководством духовника общины. Но ранние общины не были ограничены *стенами* монастырей. Это были группы людей, которые собрались вокруг наставника и которые не искали иного. Но для того, чтобы осуществить такое состояние, такую внутреннюю *устойчивость*, они обязывались к тому, что мы называем монашескими обетами, которые в сущности производны. Они – условия, которые позволяют человеку непоколебимо стоять перед Богом, не ища Его нигде, кроме как в глубинах своей души, которых касается сам Господь. Это обеты: послушание, нестяжание и целомудрие. Эти слова русские, и они нам понятны, обычны, поэтому мы не всегда задумываемся над тем, что за ними на самом деле кроется.

Послушание мы видим в описаниях жизни святых. Послушник, ученик того или другого старца, наставника, выполнял безропотно, не ставя под вопрос, то, что старец ему приказывал. Даже вещи, которые кажутся нам совершенно бессодержательными, абсурдными, он выполнял не задумываясь, зная в глубинах своей души, что за тем, что ему приказано и что ему поведено, кроется цель, и он может вырасти за пределы самого себя, если только отдастся на волю старца. Послушание заключается в том, чтоб исполнять чужие веления безропотно: без внешнего ропота, а затем без внутреннего ропота. Это не сразу дается. Есть рассказ о том, как старец дал приказание окружающим его другим монахам издеваться над новопришедшим, которого он ценил и которого хотел воспитать *до предела* его возможностей. Когда он пришел в церковь, над ним стали надругиваться и выгонять: «Как ты смеешь такой, какой ты есть, вступать в храм Божий?» Он ушел. Старец его спросил, что он почувствовал. Он сказал, что почувствовал гнев, который он выразил

грозными ругательствами и словами. Через неделю повторилось то же самое. Но послушник всю эту неделю задумывался о том, что над ним совершалось и что в нем происходило. И когда снова случилось то же самое, он вышел из храма. Когда старец его спросил, что *в нем* происходило, когда его гнали, он ответил, что он разгневался, но смолчал. И когда в третий раз это случилось, он старцу ответил, что он смолчал, но и не разгневался. Это пример того, как человек постепенно может прислушиваться к таинственному ходу действий своего старца и перерастить себя самого.

Но послушание не заключается только в том, чтоб слушать или услышать то или иное веление и его исполнить, исполнить его сначала с натугой, затем с доброй волей, а затем с радостью. Послушание заключается в том, чтобы научиться всем своим существом и умом, и сердцем, и даже телом своим *слушать* того, кто говорит. И цель послушания конкретному живому человеку в конечном итоге заключается в том, чтобы научить этого человека слушать голос собственной совести и слушать голос Божий, звучащий в Евангелии и звучащий в глубинах его души в молчании, в молитве, в тишине, чтобы человек был готов всем своим существом вслушиваться в слова, вглядываться в действия избранного им, принятого им наставника, к которому он внутренне может так приобщиться, чтобы перерастить самого себя, вырасти в меру своего наставника, а порой и выше этой меры. Это мы видим из жизни святых, которые воспитывались в монастырях людьми, которые были добрыми наставниками, но сами не выросли в ту меру духовной святости, которую достигали их послушники. Послушание монашеское является сначала школой, а потом такой открытостью, таким внутренним безмолвием, которое позволяет слышать Бога и перерастить себя и влиться в тайну общения с живым Богом. Другими словами, можно сказать, что через послушание постепенно направляется человек к тому, о чем апостол Петр говорит так дерзновенно: *«Мы призваны стать причастниками Божественной природы»*, мы призваны сначала приобщиться к благодати, то есть пронизаться Божественным присутствием Его и затем стать Богоподобными, живыми членами Тела Христова, местом вселения Святого Духа, сделаться сосудом, который пронизан святостью.

Нестяжание не зависит от бедноты или достатка. Можно ничем не обладать и всем своим существом мечтать о богатстве, о том, чтоб что-нибудь мне принадлежало. Нестяжание заключается в том, чтобы ни к чему не быть привязанными и ни от чего не зависеть. Апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что он научился жить и в бедноте, и в богатстве; он научился тому, чтоб ничто им не владело. Все, чем мы обладаем, нас как будто поработывает и делает рабами. Вспомним притчу Христову о призванных и об избранных, о том, как царь учредил пир по случаю брака своего сына и призвал своих друзей. Первый сказал, что он не может идти к нему, потому что купил участок земли и ему необходимо его исследовать. Этот человек думал, что участок земли ему принадлежит. На самом деле, это он принадлежал этому участку. Он не мог от него оторваться, он как бы пустил корни, он уже не был свободным уйти, ему надо было остаться и осмотреть этот участок. Другой сказал, что он купил пять пар волов и ему надо их испытать. Он тоже думал, что он обладает этими волами. На самом деле, эти волы им *обладали*. Если мы подумаем о том, что в нашей жизни может представлять такое обладание, то, вероятно, что каждый из нас считает, что у него есть задача жизни, задача такая важная, что все должно этому уступить, что мы не можем оторваться от той работы, призвание которой нам кажется целью, содержанием всей нашей жизни. Иногда даже случается так: мы не можем подойти ближе к Богу, потому что, как нам кажется, мы заняты Божьим делом. Как это страшно! Третий сказал, что он не может прийти на брак, потому что он сам женился и его сердце преисполнено *своей* радостью. В нем нет места, чтобы разделить чужую радость. Вот это образ того, как можно быть поработанным, думая, что сам чем-то обладаешь.

В конечном итоге, вопрос о нестяжании сводится к первой заповеди блаженства: *«Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное»*. Кто такие эти «нищие духом»? Это те, которые всем своим нутром поняли, что они всецело зависят от любви Божией. Они были сотворены без спроса, сотворены действием Божиим, призвавшим их к бытию для того,

чтобы Себя Самого отдать им всецело как жизнь, как радость, как вечность. Это те, которые поняли, что сама жизнь, которая в них действует – это Божественное дыхание, которое им было дано: что у них нет собственной жизни, которая *принадлежала* бы им, что это – дар; что это не они нашли Бога, а Бог их обрел и Бог им открылся и призвал их, Бог их возлюбил всей жизнью и всей смертью Единородного Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим; что все в жизни – это дар Божий и ничего у нас нет драгоценнее того, что не было бы даром: дружба – дар, любовь родителей – дар, любовь жениха и невесты – дар. Если что-нибудь из этого *принадлежало* бы нам, то было бы вырвано из тайны любви. Все, что я мог бы назвать своим, не было бы даром ни человеческой, ни Божественной любви. Поэтому только те, которые поистине, до самых глубин стали *нищими* духом, живут в Царствии Божиим, в Царстве, где Бог является Царем ими избранным, ими принятым, ими возлюбленным, от которого все, что у них есть, все, что они собой представляют. Это поистине область Божественной любви. Поэтому нестяжание заключается не только в том, чтобы того или другого не иметь, а в том, чтобы постепенно вырастать в это состояние «нищих духом», для которых все является любовью, даже самые простые, незатейливые вещи...

И, наконец, **целомудрие**. Целомудрие – слово сложное. Целомудрие очень глубоко связано со смирением. Целомудрие – это состояние того, кто достиг такой духовной цельности, такой внутренней мудрости, которая не дает ему отклониться от Бога, отклониться от чистоты, отклониться от своего человеческого величия, то есть от служения Образу Божию в себе самом. И связано это со смирением в том отношении, что оба понятия очень близки. Смирение – это состояние человека, который в мире с Богом, со своей совестью, со своим ближним, со своей судьбой и даже с теми вещами, которые его окружают, как святой Исаак Сирий говорит об этом: *никто не может молиться чистой молитвой, кто не примирился с Богом, с совестью, с ближним и с теми вещами, к которым он прикасается и какими орудует, потому что они – Божие творение и поэтому к ним тоже надо относиться благоговейно.* Если подумать о латинских корнях слова «смирение», то *humilitas*, которое именно переводится как смирение, происходит от латинского слова *humus*. А *humus* – это «плодородная земля». Святой Феофан Затворник говорит об этом в одном письме: *«Подумай о земле. Она безмолвно лежит перед лицом неба. Она открыта и небу, и сиянию солнца, и дождю. Больше того, по ней ходят, ее топчут. Хуже того, на нее повергают помои, грязь. И она безмолвно перед лицом неба лежит, все принимая и из всего принося плод, обогащенный тем, что ему дается и небом и землей».* И в этом отношении целомудрие и смирение идут рука об руку.

Монашеские обеты, которые так ясно, ярко выражены в службе пострига, являются также путеводными звездами и в брачной жизни. Монах обязуется к совершенной, непоколебимой *устойчивости*. В брачной жизни это называется супружеской верностью. Монах обязуется научиться слушать *всем своим существом* голос наставника. В браке оба супруга призваны так друг другу внимать, так быть друг ко другу обращенными, так совершенно забывать себя самих, вслушиваться друг во друга, слышать и несказанное слово, воспринимать самую рябь, которая проходит от души другого человека. Это послушание самое истинное, потому что в нем – тот отказ от себя самого, о котором говорит Спаситель Христос, говорит о том, что, если вы хотите следовать за Мной, быть Моими учениками, отрекитесь от себя, то есть отвернитесь от себя, оторвите от себя самих взор, внимание и обратите внимание на Меня, Живого Бога, и на ближнего своего, который – икона, живая икона, которая обращается к вам с мольбой о внимании, о любви, о заботе, о сострадании, о жалости, о радости. Если говорить о целомудрии, то оно в данном случае является ярким, четким выражением верности. Это цельность души, это цельность ума, это цельность самого человека. Прелюбодеяние начинается не в момент, когда совершается телесный грех. Оно совершается тогда, когда душа отворачивается от любимого и обращается на что бы то ни было, что находится вокруг. И, наконец, нестяжание в браке заключается не в том, чтобы вовсе ничего не иметь, в браке человек обязан заботиться о своем супруге, о своих детях, о своих родителях. Но нестяжание заключается в том, чтобы *ничем не обладать для самого*

себя, чтобы все, что у нас есть, скользило через наши руки, как дар тем, которые нас окружают. И вот тут надо помнить, что в браке присутствует трагическое подвижническое измерение, когда человек должен себя побороть, преодолеть зло, преодолеть свою узость, раскрыться, победить силой и благодатью Христа.

В монашестве есть и обратная сторона: ликование о том, что мы любимы Богом и что нам дано при нашем недостоинстве, при нашей хрупкости, при нашей греховности любить Бога той любовью, на которую мы способны, и Ему быть благодарными ликующей благодарностью за то, что Он умеет нас любить такими, какие мы есть, не ожидая того, чтобы мы стали святыми, а любя нас в немощи нашей, любя нас, как садовник, который заботится о хрупком ростке, защищая его от всего, что может его погубить, для того, чтобы этот росток окреп и стал бы всем, чем он может стать.

И в монашестве, и в браке есть место и суровому подвигу и ликованию.

О болезни душевной и телесной

Мне часто ставят вопрос о болезни: о болезни телесной и, особенно, о болезни душевной. Как к болезни относится Церковь? Как каждый верующий в отдельности должен относиться к своей болезни и к болезни близких ему людей?

К своей болезни, большей частью, легче относиться спокойно и мужественно, чем к болезни дорогого человека, который иногда страдает невыносимо и идет к своей смерти. Сначала я хочу сказать о нашей обыкновенной телесной болезни.

Болезнь так же, как смерть, с точки зрения православной веры является результатом отпадения человека от Бога. Бог является гармонией, Бог является жизнью, полнотой, и, поскольку мы отпадаем от Бога, мы теряем жизнеспособность. И пустота, которую жизнеспособность за собой оставляет, заполняется смертностью и возможностью болеть. Большой частью это относится к нам всем, но существует еще один момент. Может встать перед нами вопрос: ладно, мы, грешники, бодем, это результат нашего состояния оттого, что мы не полностью соединены с Богом или, во всяком случае, не полностью к Нему устремлены. Но что же сказать о святых? Почему они болеют? Почему они, вкрапленные в Божью благодать, могут болеть?

Святой несет на себе крест всея земли. Святой – это человек, который вместе со Христом несет все последствия человеческого греха. Святой может болеть, может страдать, потому что он умеет сострадать, разделять страдания и плакать над страданием, над греховностью, над отпадением от Бога всея Земли.

Когда мы говорим о болезни, мы имеем в виду болезнь таких людей, как мы сами. И что же нам с ней делать? Люди «благочестивые» часто мне говорят:

– Зачем мне идти к доктору? Я могу пойти и попросить священника помолиться или попросить, чтобы меня помазали святым маслом.

– Да, можешь. Но зачем это делать, если Бог нам дал другие средства, более доступные, более простые, не спрашивающие с тебя той целостности, той глубокой веры, которая не требует обращения к таинствам и действиям Церкви. Спросите: кто это говорит? Серафим Саровский это говорит: *«Лечись, потому что Бог создал и врача, и лекарства, и в Его руках твое выздоровление»*. И в этом он повторяет то, что мы можем прочесть в тридцать восьмой главе книги Сираха. Там говорится, что Бог, действительно, создал и врача, создал и лекарства, и дал врачу власть исцелять. В книге Сираха сказано еще одно, очень важное: прежде чем идти к врачу, в течение всего времени, которое ты будешь употреблять на то, чтобы быть исцеленным естественным образом, ищи покаяния, ищи духовного очищения. Болезнь связана, с одной стороны, со всеобщей судьбой человека, с ослаблением человека, с тем, что мы смертны и подвержены страданию и болезни, а, с другой стороны, с тем состоянием души, которое в нас присутствует.

Замечательно в Священном Писании описывается судьба человека после падения: постепенно в человеческом роде водворилась смерть. Смерть вошла, но люди жили долго.

Если смотреть на родословную человечества, эта долгота жизни все уменьшалась, потому что люди слабели, их связь с миром делалась глубокой, и смерть делалась все более и более властной над ними. К этому я еще вернусь, а сейчас я хочу сказать следующее.

Как только человек заболел, он должен, прежде всего войти в внутрь себя и поставить вопрос о том, насколько он далек от Бога, какая в нем есть неправда по отношению к ближнему, по отношению к самому себе, насколько он оскверняет и уродует образ Божий, который заложен в нем. И вместе с этим он должен смиренно, не надеясь на то, что силами чудесного своего покаяния может победить телесную болезнь, идти к врачу и терпеть от него лечение.

Еще может быть более серьезный вопрос, который возникает у людей: что происходит с человеком, когда он заболевает душевной болезнью. Что такое душевная болезнь? Мы знаем, что психические состояния в значительной мере зависят от того, что происходит физиологически с точки зрения физики, химии в нашем мозгу и в нашей нервной системе. Поэтому каждый раз, когда человек заболевает психически, это нельзя приписывать злу, греху или бесу. Очень часто это бывает вызвано скорее каким-то повреждением в нервной системе, чем наваждением бесовским или результатом такого греха, который человека, оторвал от всякой связи с Богом. И тут медицина входит в свои права и может очень многое сделать.

Мне вспоминается еще один случай. Был в Париже замечательный иконописец, еще не совсем зрелый, который вдруг заболел: он начал чувствовать запах серы. Его мать и сестра решили ему не перечить в надежде, что он успокоится. Когда он говорил им, что он чувствует запах серы, они тянули носом и говорили, что это правда. По мере того, как это происходило, ему делалось все хуже. И тогда благочестивая семья обратилась к Церкви. Я помню, как этого молодого иконописца отчитывали, исповедовали, кропили святой водой, причащали, мазали маслом, а он заболел все больше и больше. Я тогда был врачом, и ко мне обратились с вопросом: что делать. Я своим ответом очень рассердил их:

– Бросьте все это. Он болен, а не одержим. Пошлите его в больницу, чтобы к нему применили электрический шок (в то время это было единственным, что умели делать в этой области). Я помню, с каким возмущением и семья, и духовенство ко мне обратились:

– Как ты можешь? А вдруг это на самом деле одержимость, что ты обо этом знаешь?

– Простите. Но я только одно знаю, хотя это вам может показаться циничным, что электрический ток, если это одержимость, никаким образом бесу не повредит. А если это просто болезнь, то наш друг выздоровеет.

И он выздоровел через год. Но за время этой болезни случилось нечто чрезвычайно интересное. Он вступил в болезнь незрелым иконописцем, он вышел – созревшим. Его иконы стали иные, зрелые, глубокие. И мы ставили перед собой вопрос: что же это такое? Каким образом это может быть? И уже позже я нашел ответу св. Иоанна Кронштадтского: есть души очень хрупкие, они могут быть разбиты окружающим миром. И Бог спускает между такой душой и миром пелену или безумия, или какого-то частичного отчуждения и непонимания, пока эта душа не созреет. Она может и вовсе не созреть на этой земле, но она будет созреть в тишине этого, так называемого, безумия, этой отлученности от окружающего мира и вступит в вечность зрелой, созревшей. А иногда бывает, что эта пелена снимается, как это случилось с иконописцем. И вдруг оказывается, что за этой пеленой происходит нечто ведомое только Богу и самому человеку, и во что никакая человеческая сила не должна вмешиваться.

Когда человек заболевает психически, надо помнить, что это может быть физиологическим явлением, на которое должен обратить внимание врач. С другой стороны, одновременно мы должны об этом человеке молиться, как мы молимся о всяком человеке оказавшемся в нужде, молиться всеми силами души. Мы можем применять и некоторые церковные действия: помазать человека освященным маслом и, если он на это способен, допустить его до святого причащения. Но мы должны знать, что здесь будет действовать двоякая сила: Божественная сила через таинства и Божественная сила через врача и

лекарства.

О святости и духовности

Мы исповедуем, что Церковь свята. И апостол Павел говорит всем христианам: "Вы святы". Церковь свята – это ясно и понятно, но утверждение, что все христиане святы, даже приобщаясь к святости Церкви, ставит перед нами серьезный вопрос. Глядя на себя самого и на людей вокруг, мы не можем с этим согласиться.

Начнем со святости Церкви. Святость Церкви заключается в том, что она *место*, где Бог в Своей полноте *присутствует* среди своего народа. Христос-Богочеловек, как человек и как Бог заполняет собою Церковь. Во Христе и в Духе Святом мы являемся уже не приемными, а как бы родными детьми Бога и Отца. Эти дерзновенные слова принадлежат св. Ерму. И в этом смысле мы можем сказать, что Церковь свята святостью Бога, Который в ней живет и действует. А что же о нас самих сказать? Мы в какой-то мере приобщаемся этой святости в зависимости от нашей верности, от нашего вращивания в тайну Церкви и в тайну Бога. Но когда апостол Павел говорит о том, что все христиане святы, он совсем не имеет в виду, что мы уже *достигли* святости, не говоря о святости Христовой, а даже тех святых, которых Церковь почитает. Святость начинается в момент, когда мы *посвящены* Богу, когда мы добровольно принесены ему в дар, когда мы добровольно становимся Его собственностью.

Мы постоянно говорим о духовности, думая, что человек (не только святые, но и мы сами грешники) может жить одним духом, забывая, что в человеке есть и душевность и телесность. И вот тут надо понять, что следует подразумевать под словом "духовность". *Духовность – это не достижение, а путь.* Духовность заключается в том, что Святой Дух действует в нас, потому что мы Христовы, и в силу этого мы постепенно возрастаем действием Святого Духа. Это значит, что мы должны соединиться со Христом, соединиться с Духом Святым всем существом, а не только той стороной нашего бытия, которая уже сродни Богу, не только духом нашим. Св. Серафим Саровский говорит, что мы можем достигать святости благодаря решимости. А решимость – это область воли, это область ума, сознания. В этом случае наша *душевность* играет не последнюю роль. Наш дух без того, чтобы наша душевность участвовала в его возрождении и восхождении к Богу, не может с места сдвинуться.

Часто, вместо того, чтобы совершать подвиг душевный, мы как бы обращаемся к Богу со словами: *«Господи, сделай за меня то, чего я не собираюсь делать ради Тебя, или то, чего я не могу сделать, потому что у меня не хватает ни решимости, ни вдохновения».* Нет, в нас есть этот душевный момент, который требуется для того, чтобы загорелся дух, и Бог мог бы с нами все глубже соединиться.

Но речь идет не только о душевности и о духовности, о духе и о душе, речь идет еще о человеческом теле. Тело человека было создано Богом для того, чтобы быть вместилищем его души и его духа. Наше тело призвано быть таким же святым, как наш дух, и должно быть пронизано до самых глубин Божественной благодатью. Св. Силуан Афонский в одном из своих писаний говорит, что благодать Божия касается сначала нашего духа веянием Святого Духа, действием Святых Таинств, приобщенностью нашей к Богу, когда мы отдаемся Ему всецело, а потом, когда наш дух загорелся, это пламя постепенно пронизывает душевность нашу. Мы делаемся способными принимать решения, которые иначе мы не могли бы принимать: мы делаемся способными понимать вещи, которые иначе мы не могли бы понять во свете той благодати, которая уже осияла наш дух. Когда человек доходит до какой-то полноты приобщенности к Богу, относительной, конечно, полноты, то эта благодатность сходит и пронизывает наше тело. И этим объясняется то, что часто тела святых остаются нетленными, и их не касается растрение. Это говорит о том, что святость начинается с момента, когда мы всецело отдаем себя Богу. Она возрастает по мере того, как мы решительно боремся со всем тем, что нам мешает быть Божиими друзьями и учениками

Христа, храмами Святого Духа и пронизывает нас до конца. И тут, может быть, стоит подумать о том, что совершается в наших человеческих отношениях.

Часто люди думают, что они могут поддерживать другого человека только духовно, забывая свою душевность и свою телесность, что они только будут молиться о своем ближнем и довольны с ним. А он, может быть, нуждается во многом другом, в душевной помощи, в телесной помощи. И тут мы должны понять, что по мере того, как мы хотим жить духом, мы должны раскрываться к нашему ближнему той стороной нашей душевности, которая уже очищена. В Евангелии об этом ясно говорится: наши мысли должны постепенно очищаться. Мы должны бороться за то, чтобы никакая грязь, никакое тление, никакая нечистота, никакая неправда, ложь не проникали в нашу мысль. Вы скажете: "Как же это может быть? Я на опыте знаю, что это не так. Вот я становлюсь на молитву, и как только я начинаю молиться, в меня откуда-то начинают вливаться всякие мысли, воспоминания, воображения, фантазии, иногда даже просто богохульные мысли".

Даже Иоанн Лествичник говорит, что как только мы становимся на молитву, бес подползает к нам и нашептывает все, что может нас отвлечь от молитвы. Но нам не надо этим смущаться. Надо просто ему сказать: "отойди, не теряй времени, я буду все равно продолжать молиться". И после этого надо повторять тот отрывок молитвы, который был осквернен нечистыми мыслями, повторять его раз за разом. Если мы будем это делать постоянно, то, по словам одного подвижника, бес увидит, что, чем больше он на нас нападает, тем больше мы молимся, и отойдет от нас.

В жизнеописании одного из подвижников приводится рассказ о том, как одному монаху было поручено совершение таинства крещения. Как только он приступал к крещению женщин, в нем поднимались блудная страсть и скверные мысли. Он обратился к св. Иоанну Крестителю со словами: "Святой Иоанн, ты был чист от всякой порочной мысли. Помолись Богу, чтобы Он и меня освободил от этой нечистоты, чтобы мне не осквернить то дело, которое я совершаю". Святой Иоанн Креститель ему явился и сказал: "Я могу тебя освободить от этого борения, но если я это выпрошу у Бога, то ты потеряешь венец мученичества. Продолжай бороться. Борись против всех этих нечистых мыслей, против этих образов, против восстания плоти в тебе самом. Борись беспощадно. Рано или поздно благодать Божия, которую ты призываешь, победит в тебе, и тогда ты получишь венец мученический". И этот монах продолжал крестить, он боролся, боролся до дня, когда вдруг оказался свободным от всякой нечистой мысли и мог крестить так, как крестил святой Иоанн Креститель в водах Иордана.

Поэтому и нам не надо смущаться тем, что вползает в нашу душу, что в тот момент, когда мы молимся Богу, когда Господь проливает в нее Свой свет, вдруг мы начинаем видеть в нашей душе такую тьму, такую нечистоту, такую скверну, которую мы раньше в ней не ощущали и не видели. Надо помнить, что наше тело, наша душа, наш дух составляют одно целое, которое мы постепенно должны включить в тайну Божию. Тогда человек становится цельным, тогда его телесность пронизывается благодатью с такой силой, с какой пронизывается его дух. Вспомните видение Мотовилова, когда он разговаривал со святым Серафимом Саровским. Он увидел, как лицо святого Серафима сияло, как сияли его одежды, как весь он воссиял, подобно тому, как на Фаворе воссиял Христос в тот момент, когда Он говорил с Моисеем и с Ильей о грядущем Своем страдании. Тогда Он просиял так, что даже одежда Его воссияла такой белизной, которой, как говорится в Евангелии, не один белильщик не может достигнуть. Это обстоятельство обращает наше внимание на то, что мы, как душевно и духовно, так и телесно должны быть пронизаны благодатью, и мы не должны бояться той борьбы, которая в нас совершается.

Борьба – это момент, когда мы можем сказать: "Господи, неужели Ты мне доверишь настолько, что можешь поручить эту борьбу с сатаной, со злом, которое во мне еще не исчерпано?" Это момент, когда мы можем радоваться тому, что Бог дает нам возможность за Него, вместе с Ним бороться и побеждать. И когда мы побеждаем зло *в себе*, мы побеждаем его *вообще*, потому что пораженный нами диавол тем самым оказывается пораженным для

всей вселенной. Когда какой-нибудь грех исцелен в нас, то есть ничего не осталось от этого греха, и только наша цельность выросла в полноту своей меры, мы можем сказать, что теперь это зло умерло для всей вселенной. Поэтому, встречаясь в нашей жизни с духовной борьбой, с душевным искушением или телесной болезнью, не с обыкновенной болезнью, а с тем, что грех начинает в нас действовать с новой силой, мы должны благодарить Бога.

Мы можем помнить еще одно, чрезвычайно важное обстоятельство: не тело является причиной и источником зла в нас. Один из подвижников совершенно ясно говорит, что тело является страдальцем, мучеником, оно является жертвой той неправды, которая в нас живет и душевно, и духовно. И когда мы говорим о телесных, плотских грехах, то имеем в виду, что греховность наша, живущая в душевности и в духовности, порабощает наше тело, оскверняет его. Каяться должно прежде всего не тело, а душа наша. И это очень важно, потому что слишком часто мы думаем о нашем теле как об источнике искушения или зла: а этот источник – в нашей неочищенной, непросвещенной душевности, еще не до конца разгоревшейся духовности.

О браке и воспитании

Один из древних отцов Церкви сказал, что мир не мог бы стоять без таинств, то есть без непосредственного воздействия Божия и без преображения, которое это воздействие совершает над людьми. Единственное Таинство, которое сохранилось после отпадения человека от Бога и потери рая – это Таинство Брака. И вне христианского опыта брак является таинством в том смысле, что совершается нечто, что просто человеческими силами не могло бы совершиться, восстанавливается, сколь только это возможно, в пределах падшего мира то единство между мужчиной и женщиной, та цельность всечеловека, о которой говорится в начале книги Бытия. Это момент колоссальной важности. Это момент, когда двое полюбивших друг друга людей, могут стать одной плотью, и не только физической плотью, но одной телесной реальностью, которая включает в себя разность и в душевности, и в духовности.

В Ветхом Завете мы читаем о том, что первый человек был создан *всечеловеком*, в нем, по учению некоторых отцов, заключалось и женское и мужское. Человек начал возрастать, созревать, наступил момент, когда в нем, в одном человеке, уже не могла совмещаться полнота женского и мужского существа. Тогда Бог привел к нему всех животных, чтобы он увидел, что они имеют по два пола, и, чтобы он почувствовал, как сказано в Писании, что он единственный одинокий. Когда он вдруг ощутил свое одиночество. Бог навел на него глубокий сон и отделил в нем мужское от женского. Он их разделил так, что в каждом из них осталось *нечто от другого*, дававшее каждому из них возможность узнавать себя друг в друге. Он и она составляли одно целое. Когда Адам увидел перед собой Еву, он воскликнул: «Это кость от костей моих, это плоть от плоти моей». Вместе с этим он мог бы сказать: «Это я перед моими собственными глазами». Это было настолько "я", это настолько было единство двух, что даже они не ощущали себя нагими. Они видели себя как единицу, как человека в двух особях.

Позже, когда совершилось падение, они вдруг увидели себя нагими, то есть *чужими* друг другу. И вот с этого момента началась борьба за воссоединение. Влечение одного к другому, отчаянное, слепое влечение, крик «вернись ко мне» – все это возникло в брачной любви, в любви двух, каждый из которых *узнавал* в другом *себя* и одновременно видел другого не в его собственной ограниченности, но в новой полноте, в новой красоте, в новом смысле. Брак, то есть тайна этой встречи, совершалась тогда, когда эти двое в друг друге узнавали себя самих и видели друг друга *восполненными*, в той полноте жизни, которую они могут иметь только друг с другом. Соединяясь, они и телесно, и душевно, и духовно, сколько это было возможно и сколько это возможно теперь в падшем мире, делались всечеловеком. Это изумительная тайна. Это полнота человеку, который является в двух личностях. Брак – это таинство, потому что теперь то разделение, которое было совершено

грехом, в значительной, но решающей мере снимается.

Один из отцов Церкви говорит нечто, что может многих смутить, изумить. Он высказывает мысль, что в брачном соединении мужчина и женщина соединяются так, что их единство можно сравнить только с единством, возникающим между Христом и верующим, когда тот причащается Святых Тайн. Вот мера, в которой один из отцов видел единство телесное между мужем и женой как полноту того единства, какое уже достигнуто душевно и духовно! Это значит, что муж и жена видят друг друга как себя самих, но без тех теней, без того искажения, которое каждый человек видит в другом обычно. И когда они соединяются, то, по словам апостола Павла, становятся малой церковью. Действительно, во Христе, в Боге благодатью Святого Духа они делаются *единой плотью*, единым существом, оставаясь вместе с тем единственными и неповторимыми личностями. В браке преодолевается последний предел разделения. В идеале отношения мужа и жены – это не жадность, это не желание обладать, это не хищничество, а благоговейное зрение и отдача себя другому, и принятие другого в себя самого в любви, в созерцательной тайне любви. Это идеал брака.

Конечно, в браке в падшем мире действуют и другие силы. Бывает половое желание, бывает жадность, но бывает, что двое соединяются такой любовью, которая снимает все грани. Они теперь стали едины. Когда рождается ребенок, он как бы является не плодом хищничества, а плодом отдачи одного человека другому, одной половины другому или другой. И тут я бы хотел перейти к вопросу о детях.

Современная наука постепенно подтверждает то, во что Церковь верила изначально. В тот момент, когда зарождается живое человеческое существо, вся полнота *человечества*, в нем уже есть. Он уже человек. Можно сказать, что воплощение совершилось в тот момент, когда архангел Гавриил возвестил Деве Марии воплощение Христа. И Она ему ответила: «Се раба Господня, да будет мне по слову твоему». Уже тогда была осуществлена вся полнота воплощения. То же бывает и в браке. В процессе формирования ребенка в утробе матери он может воспринимать то, что совершается не только с нею, но и вокруг нее. До него доходят звуки, дрожание воздуха, он делается через свою мать частью окружающей среды. Поэтому наставники церковные советуют матери молиться, но молиться не формально, не просто произносить молитвы, не молитвословить, а *общаться* с Богом, делиться с Ним всей своей радостью, всем своим трепетом, дать Богу действовать в ней. Можно молиться вслух, потому что звук этой молитвы непонятным образом доходит до зародыша, до постепенно формирующегося ребенка. Если молитва произносится благоговейно, тихо, вдумчиво, этот ребенок уже приобщается к тайне материнской молитвы. Это изумительно! А когда ребенок рождается, то необходимо продолжать молиться над ним, над колыбелью: петь ему песни церковные; молиться церковными словами, когда он еще слов не понимает, но через звук голоса может воспринять молитвенную настроенность и через нее ожить к области молитвы, к области приобщенности к Богу. Когда ребенок становится больше и может участвовать в вещах, с ним тогда совершается то, что может играть колоссальную роль. Если же в семье раздор, крик, взаимная вражда, то это разбивает цельность его души, потому что каждый окрик сотрясает его душу и порой вдребезги разбивает ее, как стекло может разбиться от громкого шума.

Но по мере того как ребенок слышит эти молитвенные слова, приобщается к их звучности, они делаются часто плотью и кровью его. И тут я хочу привести пример, который оставил след в моей душе.

Был в нашем храме певчий Федоров Василий. Он обладал басом потрясающей красоты и вдохновлял всех нас своим пением. И вот, он заболел раком, лег в больницу, Я его посещал каждый день. Поначалу мы с ним молились вместе: я неумело, потому что у меня нет достаточного слуха и голоса, пел молебен о его выздоровлении и о его родных, которых не было при нем тогда. Потом он стал слабеть, и я стал петь один. И вот в какой-то день я пришел и услышал от старшей медсестры, что мне можно было бы не приходить, потому что он без сознания и умирает. Я вошел в его комнату: по правую и левую стороны его кровати сидели его жена и его дочь, которые только что приехали из далекой Японии и застали его

уже без сознания, умирающим. Вспомнив тогда, как он мне говорил, что молитвенные слова *переплелись* с его душой, я сказал жене и дочери его, чтобы они сели рядом друг с другом, встал на колени и начал, как умел (плохо!) петь ему великопостные страстные песнопения. И мы все увидели, как постепенно его сознание возвращается к нему, возрастает, поднимается в нем. В какой-то момент он открыл глаза. Я ему сказал:

– Василий, ваша жена и дочь сидят налево от вас. Вы умираете. Проститесь с ними.

Они простились спокойно, глубоко и трогательно. А потом я ему сказал:

– А теперь вы можете спокойно умереть.

Он лег, ушел в забытие и тут же умер. И эти песнопения, которые он всю жизнь пел, вернули его к жизни на тот короткий срок, который ему был нужен для того, чтобы не оставить жену вдовой и дочь сиротой без последнего прощания.

Расскажу еще один случай, который меня тоже очень поразил.

На Сергиевском подворье был когда-то, много лет тому назад, очень старый диакон. Ему было восемьдесят шесть лет. От старости он почти потерял голос, но пел на клиросе, потому что был единственным, кто мог это делать каждый день. Как-то я вместе с ним оказался на клиросе, я читал, он пел. Он читал и пел с такой искрометной быстротой, что мне не удалось уследить за ним по книге. Когда кончилась служба, я ему сказал:

– Отец Евфимий, вы сегодня украли у меня всю службу, но хуже всего то, что вы украли ее у себя. Вы не могли понимать то, что произносили.

И он заплакал и сказал мне:

– Ты меня прости, но, знаешь, я родился в страшно бедной деревне, меня родители прокормить не могли. Они пятилеткой отдали меня в монастырь, и в монастыре я прожил до революции. Я там научился читать, научился петь. Каждый день я слышал эти службы, и они стали частью моей души. И когда я вижу эти слова, мне не нужно их читать: и когда я слышу эти песнопения, мне не нужно над ними сосредоточиваться. Как только я вижу эти слова, словно Божия душа касается какой-то струны в моей душе, и вся душа, как арфа, начинает петь. И я пою так быстро, потому что это арфа поет, это душа поет. Это мне было дано слово за словом в течение всего моего детства и всей моей зрелой жизни.

Вот какое сокровище мы можем дать ребенку, и что мне хотелось бы сказать о браке. В сердцевине брака находится Господь Иисус Христос, благодать Святого Духа, и действует тайна во Христе.

О смерти и жизни вечной

К смерти у меня отношение своеобразное. Я хочу объяснить, почему я к смерти отношусь не только спокойно, но и с таким желанием, с такой надеждой, с такой тоской по ней.

Первое яркое впечатление о смерти восходит ко времени моего разговора с отцом. Он мне как-то сказал, что я должен прожить так, чтобы научиться ожидать свою смерть, как жених ожидает свою невесту; ждать ее; жаждать ее; ликовать заранее об этой встрече и встретить ее благоговейно, ласково. Вот первое впечатление.

Вторым впечатлением много лет спустя была смерть отца. Он скончался внезапно. Я пришел в его комнату – это была бедная маленькая комната. На верхнем этаже французского дома были кровать, стол, табуретка и несколько книг. Я вошел внутрь, закрыл дверь и меня обдала такая тишина, такая глубина тишины, что я воскликнул:

– И люди говорят, что существует смерть. Какая это ложь!

Вся комната была преисполнена жизнью и такой полнотой жизни, которую на дворе, на улице я никогда не встречал. Вот поэтому у меня такое отношение к смерти и я с такой силой переживаю слова апостола Павла: *«Мне жизнь – Христос, а смерть – приобретение»*. Пока я живу в плоти, я отдален от Христа. Другие его слова меня тоже очень поразили. Он всецело хочет умереть и соединиться со Христом, но однако добавляет: *«Для вас нужнее, чтобы я остался в живых, я буду продолжать жить»*. Это последняя жертва, которую он

может принести. Все, к чему он стремится, на что он надеется, чего желает, он готов отложить, потому что он нужен другим.

Смерти я видел очень много. Я работал пятнадцать лет врачом, из которых пять лет на войне во французском сопротивлении. После этого сорок шесть лет я прожил священником и постепенно похоронил целое поколение нашей ранней эмиграции. Меня поразило то, что русские умирают спокойно, а западные порой со страхом. Русские – потому что они верят в жизнь, уходят в жизнь. Одна из истин, которую и каждый священник, и каждый человек должен повторять себе и другим: *не надо готовиться к смерти, надо готовиться к вечной жизни*. О смерти мы ничего опытно не знаем, мы не знаем опытно, что происходит в момент умирания. Но одно мы знаем, хотя бы зачаточно, что такое вечная жизнь. Каждый из нас знает на своем опыте, что бывают какие-то мгновения, когда живешь не временем, а какой-то полнотой жизни, каким-то ликованием жизни, которое не принадлежит земле. Поэтому первое, чему мы должны учить себя и других – это не готовиться к смерти, а готовиться к жизни. Если говорить о смерти, то говорить о ней только, как о двери, которая широко распахнется и даст нам возможность войти в вечную жизнь. Но умирать все-таки непросто. Что бы мы ни думали о смерти, о вечной жизни, мы не знаем ничего о смерти *самой*, об умирании. Я хочу привести один пример из моего опыта во время войны.

Я был младшим хирургом на фронте. У нас умирал молодой солдатик двадцати пяти лет. Я пришел к нему вечером, сел рядом с ним и говорю: – Как ты себя чувствуешь?

Он посмотрел на меня и сказал:

– Я сегодня ночью умру.

– А тебе страшно умирать?

– Умирать мне не страшно, но мне больно расставаться со всем тем, что я люблю: с молодой женой, с деревней, с родителями. Одно, действительно, страшно – это умереть одному

– Ты не умрешь в одиночку.

– То есть как?

– Я с тобой останусь.

– Вы не можете всю ночь просидеть со мной.

– Почему же? Могу просидеть.

Он подумал и сказал:

– Если вы даже посидите со мной, в какой-то момент я это перестану осознавать, и тогда я уйду в темноту и умру один.

– Нет, вовсе не так. Мы сядем рядом и будем разговаривать. Ты мне будешь рассказывать: о деревне, о семье, о детстве, о жене, обо всем, что у тебя в памяти, на душе, что ты любишь. Я тебя буду держать за руку. Постепенно тебе станет утомительно говорить, и я буду говорить больше, чем ты. Потом я увижу, что ты начинаешь дремать и тогда я буду говорить тише. Ты закроешь глаза, и я перестану говорить, но я тебя буду держать за руку, и ты будешь периодически жать мою руку, чтобы убедиться, что я тут. Постепенно твоя рука будет чувствовать мою руку, но не сможет ее пожимать, я начну жать твою руку. И в какой-то момент тебя больше среди нас не будет, но ты уйдешь не один. Мы совершим весь путь вместе.

И так мы в течение нескольких часов провели эту ночь. В какой-то момент, действительно, он перестал жать мою руку, и я стал жать его руку, чтобы он знал, что я тут. Потом его рука начала холодеть, она раскрылась, и его больше с нами не стало... Очень важно, чтобы человек был не один, когда уходит в вечность.

Бывает еще другое. Человек болеет иногда долго и бывает окружен и любовью, и лаской, и заботой. Тогда умирать легко, хотя и больно. Но бывает очень страшно умирать, если человек окружен людьми, которые только и ждут, чтобы он умер, потому что пока он болеет, они – пленники его болезни. Они не могут отойти от его койки, они не могут вернуться к своей жизни, они не могут радоваться своим радостям, он, как темная туча, висит над ними: "как бы он умер поскорей!". И это умирающий чувствует: это может

длиться месяцами, родные приходят и холодно его спрашивают о том, как он себя чувствует и не надо ли ему чего-нибудь, а потом говорят, что у них свои дела и они еще к нему вернуться. И даже, если их голос звучит не так жестоко, человек знает, что его посетили только потому, что надо было посетить, но сами ждут его смерти с нетерпением. А иногда бывает иначе. Бывает так, что человек умирает, умирает долго, но он, любим дорог. Он готов пожертвовать счастьем пребывания с любимым человеком, потому что это может дать радость или пользу другому близкому, любимому человеку.